

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
СМОЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ

ТРУДЫ
ПО
РУССКОЙ ИСТОРИИ

*Сборник статей
в память о 60-летию
Игоря Васильевича Дубова*

ПАРАД

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

МОСКВА

2007

ВАРЯГИ НА РУСИ
«И ОТ ТЕХ ВАРЯГ ПРОЗВАСЯ РУСКАЯ ЗЕМЛЯ»

Призвание варягов: легенда или реальность?

«И идоша за море к варягом, к руси... И избрашася 3 братья с роды своими, пояша по собе всю русь, и придоша; старейший Рюрик, седе Новегороде, а другой Синеус, на Беле-озере, а третий Изборьсте, Трувор. И от тех варяг прозвася Руская земля».

Так «Повесть временных лет» — древнейшая русская летопись — рассказывает нам о начале государственной истории Древней Руси. Это сообщение летописи породило известную теорию норманнского происхождения Древнерусского государства и явилось основой для появления двух течений в исторической науке — норманизма и антинорманизма. Этим спорам уже почти двести лет.

Научная дискуссия здесь всегда напрямую была связана с политикой. Норманисты утверждали, что обитатели восточноевропейской равнины — славяне и финно-угры — не могли создать самостоятельно своего государства и вынуждены были обратиться за помощью к стоявшим на более высокой ступени экономического, культурного и общественного развития жителям Скандинавии — варягам.

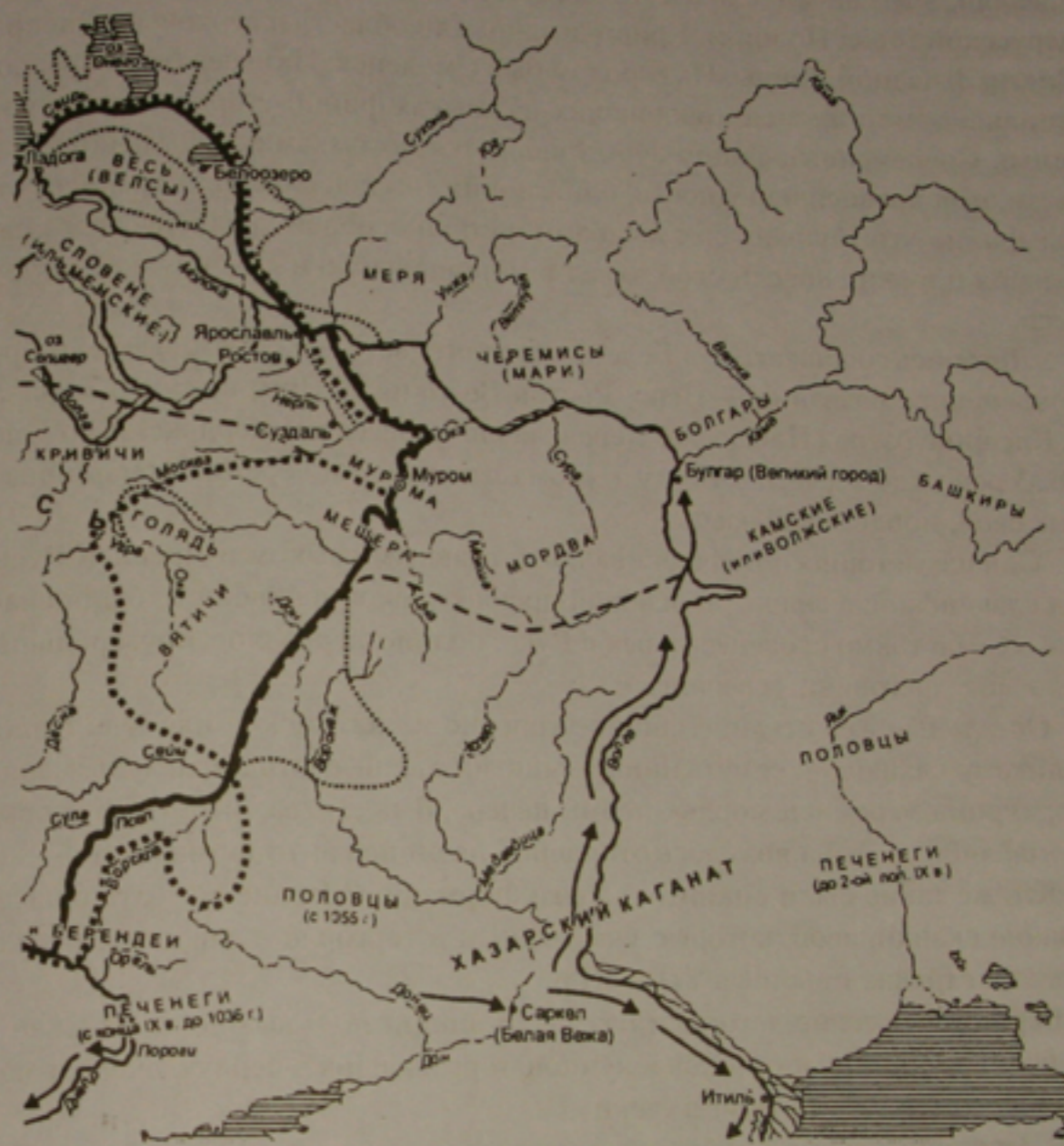
Причину летописец видел в следующем: «...и не было у них (славян) правды (законов), встали род на род, и были у них усобицы и воевали друг с другом». И тогда они решили: «Поищем себе князя, который владел бы нами и судил по праву». Так по инициативе славянских и финно-угорских племен — словен, кривичей, чуди и мери — и появились на Руси варяги, или норманны. Именно они, согласно летописи, и возглавили Древнерусское государство, а согласно выводам норманистов, и создали его на основе родового строя местных племен и родов.

Антинорманисты же считают все это выдумкой или не имеющей под собой реальных оснований легендой, сочиненной летописцем с целью возвышения правящей династии Рюриковичей и использованной в своих корыстных целях учеными-историками немецкого происхождения, которых было достаточно много в России начиная со времен Петра I.

Государства и народы Восточной Европы в IX—XI вв.

Норманисты утверждали, что все крупнейшие древнерусские города и поселения были основаны варягами, в их руках была вся торговля и наиболее высокоразвитые ремесла. Именно они открыли и использовали важнейшие водные пути Древней Руси по Днепру «из варяг в греки» и по Волге «из варяг в Хвалиссы (Хазары)». Именно они и были тем господствующим на Руси классом, которому мы обязаны созданием государства на огромных пространствах Восточной Европы.

Антинорманисты вообще отрицали даже присутствие варягов на Руси, не говоря уже о том, что они не только не создали здесь государство, но даже и не принимали вовсе никакого участия в процессе его возникновения. И единственные, кто мог претендовать на роль государствообразователя, — это славяне и только славяне.

Главным аргументом антинорманистов было сообщение той же «Повести временных лет», согласно которому исконными жителями Древней Руси были славянские племена, имевшие свои собственные раннегосударственные образования — княжения, и для создания государства здесь не нужно было никакого вмешательства варягов. Княжения имелись у полян,

древлян, дреговичей, словен в Новгороде, полочан на реке Полоте (древнерусский город Полоцк). Кривичи занимали область в верховьях Днепра, Волги, Западной Двины. Их городом был Смоленск. На север от них располагались земли племен, говоривших на языках финно-угорской языковой семьи. Современные финно-суоми являются потомками лишь небольшой части этой древней народности, ближайших соседей славян. А средневековые финно-угры наряду со славянами и стали основой древнерусского населения и вместе внесли свой вклад в материальную и духовную культуру Руси.

Летопись сообщает: «На Беле-озере седять весь, а на Ростовском озере (современное название — Неро, Ростов Великий — Ярославский) мера, а на Клещине озере (Плещеево, Переяславль-Залесский) мера же. А по Оце (Ока) реце, где втечет в Волгу, мурома язык свой и черемиси (марийцы) язык свой, мордва свой язык».

Однако летописец подчеркивал, что главным языком в Древней Руси был славянский, а значит, и основой древнерусской народности были славяне. «Се бо токмо словенск язык в Руси: поляне, деревляне, ноугородци, по-лочане, дреговичи, северяне...»

Остальные же соседние финно-угорские и балтийские племена были данниками славян: «А се суть инии языци, иже дань даютъ Руси: чудь, мера, весь, мурома, черемись, мордва, пермь, печера, Ямь, Литва, Зимигола, корсь, норома, либь...» Это и являлось отправной позицией антинорманистов.

Кто же такие были викинги, варяги, норманны? Викинги — это общее название скандинавов, которые участвовали в торговле и завоевательных походах в странах Европы в VIII—XI вв.

Варягами русские летописи называли викингов — выходцев из Скандинавии: воинов, дружинников и купцов, торговавших в первую очередь на Днепровском пути «из варяг в греки».

В Западной Европе они были известны как норманны (северные люди). Именно норманны в IX—X вв. захватили часть Англии и Нормандию во Франции. Они же еще в X в., за пять столетий до Колумба, достигли Нового Света — Америки.

Отсюда ясно, что в применении к Древней Руси наиболее приемлемо понятие варяги, общая теория называется норманнской, а период IX—XI вв. — эпохой викингов и их завоевательных походов.

Первым историком, который сформулировал в Начальной летописи теорию норманнского происхождения Древнерусского государства, был автор-составитель Начальной летописи — монах Киево-Печерского монастыря Нестор, который впервые написал это еще в начале XII столетия. В трудах

историков-академиков, живших и работавших в России в первой половине XVIII в., это летописное сообщение было положено в основу целой теории, получившей впоследствии название норманизма. Г. Байер, А. Миллер, А. Шлецер не сомневались в подлинности рассказа о призвании варягов, и для них варяги летописи были скандинавами-норманнами и создателями государственности на Руси. Иную позицию занимал М. В. Ломоносов: да, варяжские князья «из-за моря» основали древнерусскую княжескую династию, но были они славянами. Впрочем, в варягах видели и представителей не только восточных славян, но и западных, а также литовцев, готов, финно-угров, хазар, евреев и других.

Сто пятьдесят лет спустя в науке вновь разгорелись споры по данной проблеме. И в трудах датского и русского историков В. Томсена и А. А. Куника были разработаны основные положения норманнской теории. Напротив, с позиций антинорманизма выступили такие видные ученые, как С. А. Геденон и Д. И. Иловайский.

Особого накала противостояние норманистов и антинорманистов достигло в 30—50-е годы нашего столетия. И в то время оно приобрело наибольшую политическую окраску. Тогда большинство как западных, так и советских ученых, находясь в плену политических воззрений и целей, подчас произвольно толковали письменные и археологические источники, а иногда и просто пренебрегали реальными историческими фактами.

В настоящее время и норманизм, и его антипод уже ушли в прошлое и стали достоянием лишь исследований истории науки.

Современные данные позволяют утверждать, что создание Древнерусского государства было закономерным итогом развития многоэтнического общества, состоящего из славян, финно-угров, балтов и скандинавов. Период его формирования — IX—XI вв. можно расценивать как переходный от родоплеменных отношений к раннефеодальным, когда постепенно разрушались старые общинные связи и начинал формироваться классовый раннефеодальный строй. И главным социально-экономическим и политическим проявлением этого достаточно длительного и противоречивого процесса было становление государственной власти, основанной на общинной структуре общества Древней Руси.

Да, государство создавалось в недрах восточно-славянского мира в результате глубоких социально-экономических сдвигов внутри него самого.

Однако восточнославянские союзы племен и их ближайшие соседи жили не в безвоздушном пространстве и не могли развиваться сами по себе без каких-либо воздействий и влияний извне.

И важнейшим таким импульсом было движение варягов на Восток через Русь в Византию, Хазарию, страны Арабского мира. Было бы совершенно неправильно сомневаться в подлинности летописных сообщений и отрицать реальные археологические факты. А они говорят в пользу того, что в эпоху раннего русского средневековья (для Скандинавии — эпоху викингов) в IX—XI вв. варяги не только бывали недолго или проездом на Руси, не только торговали, не только выступали в качестве воинов-наемников, но и жили здесь, основывали поселения, как свои отдельные, так и общие — с другими племенами, хоронили своих умерших по своим обычаям и обрядам, вливались в местное общество и в том числе в его правящую верхушку. И не случайно войны и торговцы — выходцы с Севера и стали основателями древнерусской княжеской династии.

Что же представляли собой викинги-варяги тысячу — тысячу сто лет назад? О них, их облике, образе жизни, занятиях, культуре и нравах повествуют письменные источники, свидетельствуют данные археологии. Большинство викингов были вполне мирными жителями, и основным их занятием было сельское натуральное хозяйство. Они выращивали различные зерновые культуры — овес, рожь, ячмень и пшеницу и разводили домашний скот — лошадей, коров, коз. Суровый климат и малое количество плодородных земель приводили к тому, что многие люди отправлялись за моря в поисках лучшей доли, где занимались не только разбоем и торговлей, но и осваивали новые земли, обзаводились хозяйством.

Это и стало главной приметой и особенностью эпохи викингов. Рыбная ловля и охота также играли важную роль в жизни населения Скандинавского полуострова. Рыбу ловили сетями, силками, забивали гарпунами и острогами. Охотились с помощью копий, луков, стрел, силков и капканов. Жили викинги в больших длинных домах, построенных из деревянных каркасов или прутьев, обмазанных глиной. В обыденной жизни зимой передвигались викинги на деревянных лыжах или коньках из кости. Для перевозки грузов использовались колесные повозки, в которые запрягали лошадей. Зачастую на конские копыта прикреплялись железные шипы, их же привязывали к обуви человека. Это делалось для того, чтобы избежать скольжения по льду или снегу.

Специфической и отличающейся от других народов была одежда викингов.

Женская одежда выделялась различными деталями и украшениями. Рубахи в виде туник скреплялись на плечах бронзовыми позолоченными выпуклыми застежками. Такие фибулы являются частой находкой в погребениях как в самой Скандинавии, так и в Древней Руси. От этих брошей

свисали цепочки, к которым привешивались самые необходимые бытовые предметы — костяные гребни, железные ножи, ключи, ножницы, косметические щипчики.

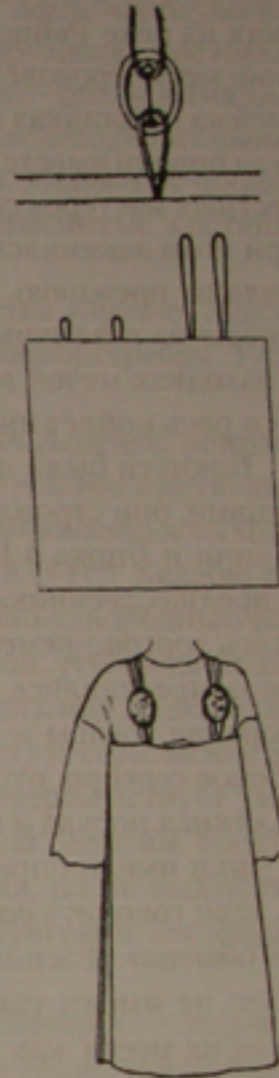
Мужчины-викинги носили полотняные рубахи и шерстяные штаны и поверх них плащи, заканчивающиеся на одном плече богато украшенной булавкой. Одна рука была прикрыта плащом, а вторая, в которой держали меч, — свободна.

В виде украшений и мужчины и женщины носили ожерелья из керамических, стеклянных, хрустальных, сердоликовых и янтарных бус, а также из серебряных восточных монет, которые привозились в большом количестве через Русь из арабских стран. На руки надевали браслеты, а на пальцы перстни.

В жизни викингов важнейшую роль играло судостроение. Дома — в стране многочисленных рек и озер — они использовали лодки, байдарки, паромы. А для дальних странствий через моря и даже океаны специально строились длинные быстроходные и надежные корабли-ладьи. Эти суда могли идти под парусом и на веслах. 60—70 гребцов, защищенных от стрел и копий варягов круглыми щитами, ловко и быстро направляли свои боевые корабли и могли стремительно подходить к берегам или к судам врагов, заставляя их врасплох. Ладьи также использовались и как торговые грузовые суда.

Прославились викинги и своим военным искусством и отвагой. Как лучшие — умелые и бесстрашные воины и завоеватели они были известны по всей Европе и часто выступали в качестве наемных солдат у местных правителей. Защитными доспехами варягов были кольчужные рубахи или кожаные куртки. Голова защищалась металлическим или кожаным шлемом, имелось также прикрытие для глаз и носа. неотъемлемым атрибутом доспеха был большой круглый деревянный щит, окованный ободом из металла, с чашечкой — умбоном — в центре для защиты руки.

Набор вооружения был весьма разнообразным и вполне совершенным для того времени. Он включал в себя деревянные луки со стрелами, копья, боевые топоры-секиры и, конечно, мечи. Часто их называют «мечами ви-

Скандинавский женский костюм. Реконструкция

кингов», но это неверно. Изготавливались такие мечи в основном в мастерских на реке Рейне в Средней Европе. Особенно популярны такие франкские мечи, произведенные в мастерской Ульфберта, о чем свидетельствуют клейма на клинках в Скандинавии, широко они известны и в Древней Руси, куда попали вместе с их владельцами-варягами. Однако известны и клинки местных мастеров со славянскими клеймами «Людота Коваль» или «Слав». При этом заменялся только вышедший из строя сам клинок, а рукоять оставляли прежнюю, франкского производства. Эти рукояти были богато украшены различными орнаментами из серебряной и золотой проволоки. О находках мечей в скандинавских захоронениях на территории Древней Руси речь пойдет ниже.

Викинги были не только сельскими жителями и бродячими воинами и купцами, они строили и города. Наиболее известными из них были Хедебю в Дании и Бирка в Швеции. Ученые называют их виками — исторически-предшественниками феодальных городов Северной Европы. Вики являлись торгово-ремесленными центрами, здесь продавались, покупались и перераспределялись дань, выкупы, привезенная из дальних стран добыча и заморские товары — франкское оружие, византийские ткани, украшения, арабское серебро, русские роскошные меха, тончайшая изящная восточная стеклянная посуда и многое другое.

Вики имели определенные характерные признаки, и в первую очередь они, если говорить современным языком, были «зонами свободной торговли и обмена». Располагаясь на важнейших водных торговых путях, эти центры не имели укреплений, и в этом не было особой необходимости, так как их места, как правило, были удалены на безопасное расстояние от побережья, откуда можно было ожидать внезапного набега морских разбойников. Постоянного населения в виках было мало, и его численность возрастала в торговые сезоны, а затем вновь сокращалась до минимума. Судя по находкам в обширных некрополях, окружавших вики, среди его обитателей и пришельцев были представители самых разных племен и народов, говорившие на разных языках. Но всех их объединяла интенсивная международная торговля и товарный обмен. Не всем из них было суждено возвратиться в родные места, и многие находили свое успокоение здесь, на чужбине.

Хедебю располагался в южной части полуострова Ютландия (Дания). Это поселение возникло в VIII в. как фризская торгово-ремесленная фактория. Фризы — одно из племен, населявших территории современных Голландии и Германии. Поначалу Хедебю был небольшим неукрепленным поселением. Начиная с IX в. городок стал стремительно развиваться и рас-

ширяться. Появляются единообразные прямоугольные дома, частично использовавшиеся как торговые постоянные дворы, набережные, мостовые. Значительную часть горожан составляли ремесленники — они занимались стеклоделанием, и в первую очередь изготовлением бус, железоделательным производством, ювелирным и гончарным промыслами. Особенно прославились по всей Северной Европе и Древней Руси знаменитые костяные фризские гребни.

Торговля была также важнейшей отраслью хозяйства Хедебю. Здесь в изобилии найдены монеты, весы и гирьки для взвешивания серебра. Уже в 825 г. в Хедебю стали чеканить и собственные монеты.

Известный петербургский археолог Глеб Сергеевич Лебедев, опираясь на результаты раскопок, так описывает краткую и вместе с тем яркую историю Хедебю: «В VIII в. — фризская фактория, контролировавшая выход на Балтику, на первом этапе экспансии викингов (793—833 гг.) Хедебю превращается в скандинавский вик, с пестрым, но культурно однородным населением. В конце IX в. шведские викинги, захватив город, утверждают здесь собственную «династию» и укрепляют вик. Затем власть над Хедебю оспаривают друг у друга датские конунги (военные вожди) и германские кайзеры (правители). Город растет, благоустраивается, совершенствует укрепления, организуется, становится центром христианской религии. Наконец, он гибнет — достигнув статуса королевского владения, но не выдерживая конкуренции с новыми городами, основанными конунгом и состоящими под его защитой».

Судьба Бирки — старейшего торгового города Швеции — во многом близка тому пути, который прошел Хедебю. Однако в Бирке среди занятий населения безусловно доминировало ремесло.

Кузнечное ремесло, стеклоделие, обработка камня, литье бронзы, серебра, ткачество, изготовление изделий из кожи и кости, ювелирное дело — вот далеко не полный список занятий обитателей Бирки. Торговля также являлась одним из атрибутов этого центра.

В отличие от Хедебю, Бирка был важным административным центром шведских конунгов.

Не случайно именно здесь взамен язычества стала внедряться новая религия — христианство. Первые проповеди, первые церкви, первые христианские кладбища, первые епископы — все это имело место в Бирке в IX столетии.

Однако на Руси мы знаем варягов не столько как одних из первых христиан, сколько как последовательных язычников. В пользу того свидетельствует погребальный обряд захороненных варягов, когда их сопровождают

в мир иной жены или наложницы, боевые кони, жертвоприношения в виде домашних животных.

Известны и находки языческих амулетов-символов с привесками в виде молоточков Тора — одного из основных божеств у норманнов.

Многое о варягах-русах можно почерпнуть из описания путешествия арабского купца и проповедника Ахмеда Ибн-Фадлана, совершенного им на Волгу тысячу лет назад, в X в. И многое из того, что он сообщает, удивительно точно совпадает с той информацией о варягах, которую дают нам летописи, скандинавские саги и археологические источники.

«Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам... Они не носят курток, ни кафтанов, но у них мужчина носит плащ, которым он охватывает один бок, причем одна из рук выходит из него наружу. И при каждом из них имеется топор, меч и нож, и со всем этим он никогда не расстаётся. Мечи их плоские, бороздчатые, франкские... А что касается женщин, то на каждой их груди прикреплен коробок (фибула)... И у каждой коробочки — кольцо, у которого нож, также прикрепленный на груди. На шеях у них мониста (ожерелья) из золота и серебра (арабские монеты — дирхемы)... Самым великолепным украшением считаются у них (русов) зеленые бусы из керамики».

Согласитесь, достаточно точно описана одежда, украшения и оружие русов.

Далее Ибн-Фадлан говорит о том, что дирхемы у русов заменяются шкурками белок или соболей. То есть речь идет о прямом обмене мехов на серебро, мерилем которого является его вес.

Он сообщает, что варяги практикуют многобожие, то есть являются язычниками: «И как только корабли прибывают к пристани, тотчас выходит каждый из них, чтобы подойти к длинному воткнутому в землю бревну (идолу), у которого имеется лицо, похожее на лицо человека, а вокруг него маленькие изображения». Это типичный пример языческого многобожия, характерного не только для варягов, но и для других народов эпохи дохристианских верований. И в частности, наиболее ярко они представлены у славян, имевших целый пантеон богов-идолов во главе с Перуном, аналогом которому у варягов был Тор.

Достаточно детально и ярко описывает Ибн-Фадлан погребальные обряды варягов, как бедных рядовых людей, так и богатых знатных предводителей. «Если это бедный человек из их числа, то делают маленький корабль, кладут в него и сжигают его (корабль)». Археологически этому соответствуют погребения по обряду трупосожжения в ладье, которые известны и в Скандинавии, и в Древней Руси.

Наиболее ценной частью книги Ахмеда Ибн-Фадлана является рассказ о погребении знатного руса (главаря).

«Тогда они надели на него шаровары, гетры, сапоги, куртку, парчовый кафтан с пуговицами из золота, надели ему на голову шапку из парчи, соболью, и понесли его, пока не внесли его в находившийся на корабле шалаш, посадили его на стеганый матрац, подперли его подушками и принесли плоды, разного цвета цветы и ароматические растения и положили это вместе с ним. И принесли хлеба, мяса и луку и оставили это перед ним. И принесли собаку, рассекли ее пополам и бросили ее в корабль. Потом принесли все его оружие и положили его рядом с ним. Потом взяли двух лошадей и гоняли их до тех пор, пока они не вспотели. Потом рассекли их мечами и бросили их мясо в корабль. Потом привели двух коров, также рассекли их и бросили их в нем (корабле). Потом доставили петуха и курицу, убили их и оставили в нем».

Все описанное выше характерно исключительно для народов-язычников. Это полностью подтверждается данными, полученными в результате археологических раскопок захоронений варягов на Руси.

Однако жертвоприношениями боевых коней, домашнего скота и птицы дело не ограничивалось. Ахмед Ибн-Фадлан сообщает и об обычае у русов сопровождать покойного в мир иной добровольно его женой или рабыней-наложницей. Ее умерщвляют и располагают рядом с ее покойным господином. И все это предается огню.

«Потом явился ближайший родственник умершего, взял палку и зажег ее у огня... И беретса огонь за дрова, потом за корабль, потом за шалаш, и мужа, и девушку, и за все, что в нем находится... Потом они соорудили на месте этого корабля (ладьи), который они вытащили из реки, нечто вроде круглого холма (кургана) и воодрузили в середине его большое бревно, написали на нем имя этого мужа и удалились».

Конечно, такое погребение и такая пышная и богатая церемония была исключением, но известны примеры подобных захоронений и на Руси X в. Производились они в ладьях, были парными (мужчина и женщина), сопровождалась конями, содержали богатый набор вещей — оружие, украшения, амулеты, монеты, бытовые вещи, многое другое. А над погребальным сооружением насыпался курган, на вершине которого ставился деревянный столб — особый поминальный знак.

Такие примеры вы увидите дальше, прочитав разделы книги, в которых рассказывается о захоронениях варягов в разных областях Руси.

Таковы в общих чертах были пришельцы из-за моря, с далекого севера, которых на Руси прозвали варягами.

Этот период в истории Древней Руси и роль в ней норманнов были достаточно емко и четко охарактеризованы выдающимся российским археологом, профессором Михаилом Илларионовичем Артамоновым. «Никакое завоевание само по себе не могло превратить первобытно-общинные племена в классовое государство, если внутри их самих уже не возникли противоречия классового порядка. Но оно могло ускорить или затормозить этот процесс».

Таким образом, вопрос о роли норманнов в русской истории переносится в другую плоскость. Они выступают уже не в роли создателей русской государственности, а только в качестве политической силы, ставшей необходимой для возникшего у славян классового общества. Это, правда, не помешало норманнам захватить государственную власть, но они смогли утвердиться только путем подчинения интересам туземного господствующего класса и слияния с туземной аристократией.

Рюрик: мифический герой или историческая личность?

Согласно летописному сообщению, варяг Рюрик был старейшим из трех братьев, которые в 862 г. по призыву славян вместе со своими родами пришли на Русь. Рюрик принял власть, стал княжить в Новгороде и раздал своим мужам города.

В другом варианте «Повести временных лет» сообщается, что варяги во главе с Рюриком «придоша к Словенам первее, и срубиша город Ладогу и седе старейшии в Ладозе Рюрик...».

В самом деле, Ладога (ныне Старая Ладога) в IX в. уже существовала как важный торгово-ремесленный протогородской славяно-финно-угорский центр, была хорошо известна скандинавам и топографически была своеобразными «воротами» в древнерусские земли.

Этот протогород находился на реке Волхов по пути из Ладожского озера к Новгороду, и варяги никак не могли его миновать, направляясь в глубь Древней Руси.

Далее летопись говорит о том, что в 879 году Рюрик скончался и после него стал править Олег, получивший прозвище Вещий, вошедший в историю как объединитель Новгорода и Киева, создатель Древнерусского государства, прославившийся своим походом на Константинополь и весьма выгодным для Руси договором с Византией. От них и пошла древнерусская великокняжеская династия Рюриковичей.

Вокруг личности самого Рюрика и двух его братьев Синеуса и Трувора в исторической науке издавна идут дискуссии. Одни считают, что летописи

следует полностью доверять и историческая реальность этих трех братьев не вызывает никаких сомнений. Другие полагают, что Рюрик, Синеус и Трувор — это миф, фольклорные образы.

Наиболее четко и концентрированно данная позиция сформулирована академиком Борисом Александровичем Рыбаковым. Он полагает, что русский летописец, сообщая о призвании варягов, пересказал какую-то скандинавскую легенду. И если о достоверности самого Рюрика еще можно говорить, то «Синеус» — это дословное толкование шведских слов «свой род», а «Трувор» означает «верная дружина». Летописец знал шведский язык плохо или совсем не знал его и поэтому принял сообщение о Рюрике с родом своим и дружиной за Рюрика с братьями Синеусом и Трувором. Более того, он помещает на княжение Синеуса в Белоозере, которого в IX в. просто не существовало (этот город возник в X в., т. е. столетием позже данных событий), а Трувора — в маленький городок Изборск под Псковом, где раскопками не обнаружено скандинавских вещей этого времени. Ученые также думают, что можно лишь предполагать о сборе дани в этих областях — землях финского племени весь (Белоозеро) и псковских славян — кривичей (Изборск).

Вообще же легенды именно о трех братьях, призванных княжить в чужую страну, были очень распространены в Северной Европе в средние века.

Кроме того, летописец сообщает, что братья Рюрика — Синеус и Трувор достаточно рано скончались, а у возможного прототипа Рюрика — датского конунга Рерика Ютландского в самом деле было два брата — Гемминг и Гаральд, которые тоже рано умерли, но еще до прихода Рюрика со своим родом и дружиной на Русь.

Поэтому вполне вероятно заключение академика Б. А. Рыбакова, что «если призвание иноземного князя имело место в действительности, как один из эпизодов противоваряжской борьбы, то таким князем мог быть Рюрик Ютландский».

Эти события достаточно четко трактует выдающийся русский археолог, профессор Анатолий Николаевич Кирпичников, причем, что очень важно, в своих заключениях он опирается не только на письменные источники, но и на данные археологии. Он пишет: «Итак, в 862 г. славянские и финские племена, а точнее их старейшины, собравшиеся скорее всего в Ладоге, которая была для них межплеменной столицей, решили на договорной основе пригласить знатного скандинава Рюрика с братьями. Договоры того времени, судя по западноевропейским источникам, содержали следующие условия: верно служить, собирать дань, защищать край от нападений. Причины

призвания летописец объяснил междоусобными распрями и беспорядками. Можно предположить, что действительность была иной. На выбор предводителя из варягов повлияли разбойничьи нападения викингов, которые по всей Европе грабили и жгли города, а с населения брали тяжелые поборы. Приглашенный чужеземец, конечно, знал военные приемы своих соотечественников и мог защищать северные племена от пиратских набегов, но вскопавшись на свою гвардию, узурпировал власть от местных старейшин.

Через два года, в 864 г., Рюрик перебрался из Ладоги в новоукрепленный Новгород и раздал своим мужам кривичский Полоцк, мерянский Ростов, а также Муром и Белоозеро в землях муромы и веси. Этим очерчивается первое на севере Восточной Европы устойчивое государственное образование, возникшее на месте конфедерации славянских и финских племен. Так было положено начало династии Рюриковичей, правившей в России вплоть до конца XVI в. Ладога же стала первой столицей нового в Европе государства. В дальнейшем столица была перенесена в Новгород, а при преемнике Рюрика князе Олеге — в Киев».

Результаты археологических раскопок показали, что между Ладогой на Руси и Хедебю в Ютландии, откуда происходил Рюрик, существовало много общего. Оба эти центра, располагаясь на стыках европейских путей, были между собой равноправными морскими торговыми партнерами. И там, и здесь проживало разноэтничное население. В Ладоге — славяне, финны, норманны. В Хедебю — даны, фризы, саксы, венды.

Широкие связи породили сходные культурные явления: сходство изделий разных стран, относительно большие, удлиненные, столбовой конструкции дома; судостроение; отрасли ремесла, производящие украшения. В указанных городах, кроме торговцев и ремесленников, проживали строители кораблей, лоцманы, перевозчики и, возможно, поселенцы из других стран: расположившиеся на зимовку купцы, норманнские дружины, странствующие мастера.

Видимо, ладожане хорошо знали Хедебю, и поэтому неудивительно, что именно отсюда и был приглашен, сначала в качестве военного наемника, Рюрик (Рерик) со своей дружиной, а уже потом он сумел захватить власть в славянских землях.

Историкам удалось в общих чертах воссоздать биографию Рерика Ютландского. Это был один из влиятельных предводителей викингов, происходивший из знатного рода и владевший землями в Западной Ютландии и Фрисландии, контролировавший не только важные водные дороги, в том числе и путь из Северного моря в Хедебю, а и сам этот крупный торговоремесленный центр. Полагают, что он в 850 г. был одним из организаторов

военной и экономической блокады шведского протогорода Бирки — конкурента Хедебю. Бирка была соперником Хедебю и в отношениях с Древней Русью. Судя по археологическим находкам, викинги из Бирки, как и из Хедебю, также претендовали на исключительную роль в торговле с Русью и боролись за свое полное влияние в восточных землях и на великих водных путях восточноевропейской равнины — Днепровском и Волжском.

Однако ладожане остановили свой выбор на близком им Хедебю и конкретно на Рюрике. Это было, возможно, сделано отчасти и для того, чтобы противостоять шведским викингам. И в 862 г. он с полномочиями исключительно «призванного князя» появляется в Ладоге. Это вполне соответствует новгородской демократической традиции и в более поздние древнерусские времена. Здесь можно провести аналогии с Александром Невским, которого и призывали и изгоняли из Новгорода неоднократно. При этом основные властные функции в Новгородских землях всегда оставались в руках веча и его администрации. Так было вплоть до полного подчинения Новгорода Великому Москову Иваном III в 1478 г.

Рерик Ютландский мог привлечь ладожан своей известностью как опытный воин и профессиональный наемник, знавший военное дело и викингов, и франков, и фризов. Славянам был также нужен человек, который мог бы защитить их от набегов своих же викингов, а судя по биографии Рерика, он и был таковым.

«Призван» Рерик был в Ладогу, ибо она являлась изначально главным городом Северной Руси, столицей некой федерации славянских и финноугорских племен. Именно здесь собрались их старейшины, стали думать, где искать ту воинскую силу, которая могла бы установить стабильность в их землях и в то же время обезопасить от набегов с Севера. Выбор был достаточно широк, и в итоге он был сделан в пользу датчан, а не шведов, которых славяне уже изгоняли из своих земель за разбой и чрезмерные поборы.

Однако служба Рюрика в Новгороде была отнюдь не безоблачной. Одним из руководителей вооруженного противостояния Рюрику и его варягам был Вадим Храбрый, внук Гостомысла — легендарного предводителя новгородских словен, их первого князя, или посадника.

Восстание во главе с Вадимом Храбрым произошло в 864 г., было подавлено Рюриком, и сам предводитель был убит. Поскольку до этого Рюрик являлся всего лишь наемником, то это была явно внутрисполитическая борьба за власть среди новгородской верхушки, которая завершилась победой тех, кто «призвал» Рюрика. И только после этого он и стал полноправным властителем Новгородских земель и основателем древнерусской великокняжеской династии.

Итак, Рюрик, он же Рерик Ютландский, был реальным действующим лицом русской истории.

Наиболее емко и ярко написал об этом профессор А. Н. Кирпичников: «Варяжское "призвание" отнюдь не принижало прошлого России, которую всегда отличали живительные связи со всем миром, в том числе и со Скандинавией».

Варяги принесли на Русь не только обновленный механизм правления, но и лучшее оружие, совершенные корабли, особые украшения, способствовали евразийской торговле. В свою очередь, благодаря славянам и другим восточноевропейским народам, они получили серебро, меха, зерно, мед, воск, а также невольников; восприняли навыки кавалерийского боя и владение восточным оружием, приобщились к строительству городов и более совершенному устройству общественных и политических институтов, такому, например, как вече. Скандинавы, славяне и финны обогатили себя арабским серебром, хлынувшим на европейские рынки по великим водным путям "из варяг в греки" и "из варяг в арабы". 862 г., отлитый на щите Рюрика, при всей условности, — крупная вежа в жизни Руси и Скандинавии. Эту дату достойно признать в качестве государственной, не стыдясь того, что она, повторяя летопись, запечатлена на щите норманнского пришельца».

Ладога

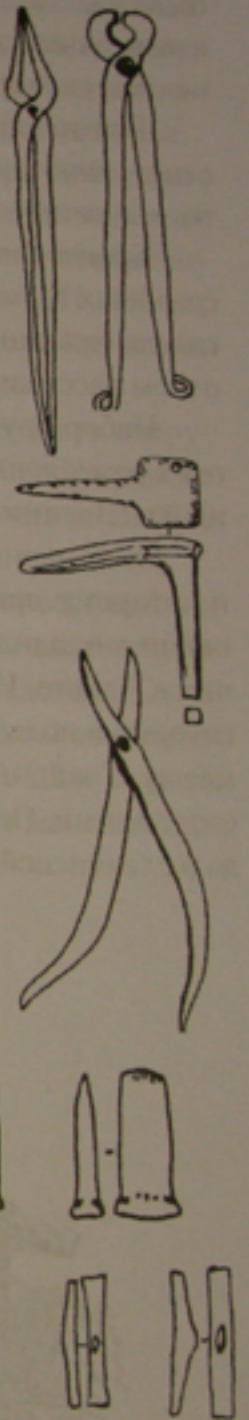
Во многих древнерусских областях и городах варяжские пришельцы на Русь в IX—XI столетиях оставили свои достаточно яркие и выразительные следы. В Приладожье и самой Ладоге, Новгороде, Киеве, Чернигове, могильниках Шестовицком, Гнездовском близ Смоленска, Ярославских курганах и других местах Руси представлены свидетельства как временного пребывания, так и постоянного проживания варягов. Здесь они жили, торговали, воевали, занимались ремеслами и здесь же умирали, оставшись навсегда в русской земле.

Да, варяги не были исконными жителями этих земель, да, они никогда не колонизировали эти обширные славянские и финские области, но они внесли свой, весьма весомый вклад в создание здесь государственности, формирование народности, материальной и духовной культуры.

В археологическом отношении Ладога является настоящим кладом памятников и находок, относящихся к эпохе викингов — IX—XI вв. и переломному периоду русской истории. Изначально именно Ладога играла роль первой столицы Северной Руси.

Наиболее древним свидетельством пребывания варягов в Ладоге является находка здесь скандинавской производственной мастерской, которая функционировала еще в VIII в. до летописного их призвания. Эта мастерская была обнаружена в результате раскопок известного петербургского археолога Евгения Александровича Рябинина. Она представляла собой четырехугольную постройку, отделенную от других жилых сооружений в целях пожарной безопасности канавкой с водой. В эту канавку выбрасывались отходы металлургического производства — шлаки. Здесь же обнаружены остатки металлоплавильной печи в виде вымостки из каменных плит. Свидетельствами железообработки и ювелирного ремесла являются многочисленные находки заготовок, полуфабрикатов и поделок из железа.

При определении времени функционирования мастерской был использован метод дендрохронологии, и по кольцам бревен, найденных на этом месте, установили, что спилены они и использованы для строительства были в 60-х годах VIII столетия. Однако самой выразительной находкой в мастерской был богатейший клад ремесленных инструментов. Он был спрятан в землю еще в то время, когда мастерская работала, и в его состав входило двадцать шесть предметов. Это были разнообразные клещи, из которых небольшие применялись для ювелирных работ, а более крупные — для черновой обработки при изготовлении изделий из железа. Найденные длинные железные стержни являлись универсальными инструментами для прокалывания отверстий. Миниатюрная железная наковаленка могла входить в арсенал слесаря и ювелира. На подобных наковаленках можно было изготавливать гвозди и производить ювелирные работы. Три ювелирных молоточка, найденные здесь, с помощью железных проволочных стержней крепились к деревянным рукояткам. Три зубила использовались для холодной рубки металла. Листовой металл разрезался с помощью ювелирных ножниц. Два сверла предназначались

Ладога. Инструменты из клада ювелира

для получения крупных отверстий в дереве. При изготовлении проволоки, гвоздей, ладейных заклепок применялись две волочилни (гвоздильни), происходящие из этого клада. Одна из двух железных пластинок, видимо, была частью специального инструмента для выпуклой чеканки и тиснения ювелирных изделий, а вторая могла служить ручкой для ларца или соединением сковородки с длинной железной рукоятью.

В этом кладе найден и прекрасный образец древнего ювелирного искусства — ключ явно скандинавского происхождения с изображением борода-того мужчины.

Бронзовая фигурка с личиной является изображением верховного бога северных германцев Одина в окружении двух вещей воронов, которые, согласно скандинавскому эпосу, каждый день на рассвете облетали весь мир, а потом рассказывали ему, что и где происходит.

Набор орудий труда в ладожской мастерской типичен для скандинавских ремесленников. Об этом свидетельствует клад инструментов, найденный в Швеции на острове Готланд.

Несомненно, что мастер, который работал в обнаруженной мастерской и которому принадлежал данный инструментарий, был родом из Скандинавии и входил в число постоянных жителей многонационального поселения в Ладоге. И жил он здесь за сто лет до появления на Руси Рюрика. Это говорит в пользу того, что еще до летописного «призвания» варягов связи между Скандинавией и Северной Русью были весьма прочными и разно-сторонними. Они не сводились лишь к взаимовыгодной торговле, а уже тог-да в славянской среде жили и выходцы из Скандинавии.

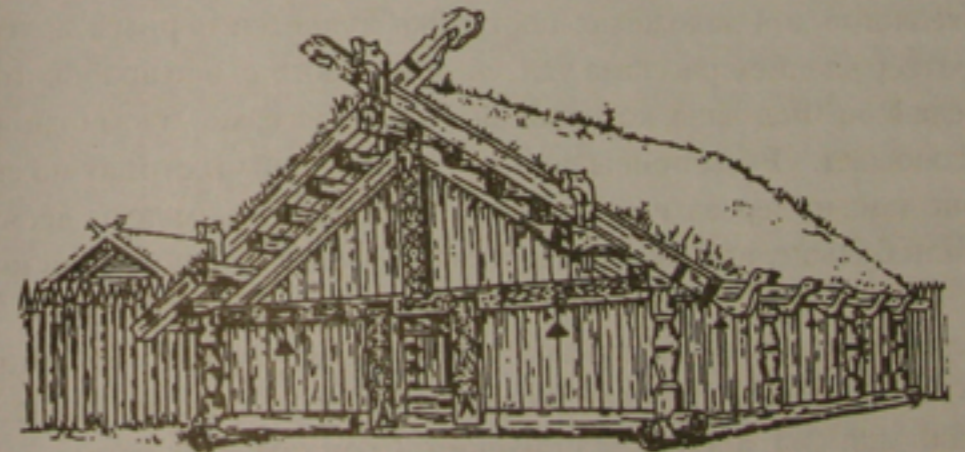
Ладога. Большой дом. Реконструкция

В культурных слоях ранней Ладоги, относящихся к VIII—IX вв., найдены многочисленные собственно скандинавские или привозимые ими европеейские вещи. Это железные ножи скандинавского типа; деревянный стержень с рунической надписью; две игральные костяные шашки; бронзовый игольник, точно такой же, какие известны в Швеции; деревянный наконечник копья с германским готическим орнаментом, в точности копирующий западноевропейские (рейнские) настоящие железные ланцетовидные копья.

В начальный период истории Ладоги северным путем при посредничестве варягов сюда поступали стеклянные бусы. Найдена здесь кожаная мужская и женская обувь, что дало основание археологам вполне обоснованно утверждать, что в числе норманнов, живших в Ладоге в VIII—IX вв., значительное число составляли женщины и северные переселенцы шили здесь привычную для них обувь.

Настоящих франкских мечей, составлявших важнейшую часть вооружения варягов-дружинников, в Ладоге не найдено, но здесь обнаружены их точные деревянные игрушечные копии. Всего таких «учебных пособий» в Ладоге известно двадцать пять экземпляров.

На основании всех этих находок сотрудник Эрмитажа, известный исследователь ладожских древностей Ольга Ивановна Давидан сделала убедительное заключение: «Наиболее четко выявляются связи Ладоги со Скандинавией. Время появления норманнов как постоянных жителей относится ко времени возникновения здесь поселения, т. е. к середине VIII в. В числе первых северных поселенцев были не только мужчины, но и женщины, не только воины и торговцы, но и ремесленники».

Ладога. Большой дом. Реконструкция

Это не означает, что норманны были единственными основателями Ладоги — они селились на славянской земле, в славянском раннегородском центре, однако внесли свой существенный вклад в развитие местной многоплеменной материальной и духовной культуры.

Северные традиции прослеживаются и в домостроительстве Ладоги. Наиболее ярко они проявились прежде всего в виде «больших» домов, весьма характерных для Скандинавии. Одна из таких построек была выявлена почти пятьдесят лет назад выдающимся археологом, исследователем Ладоги, членом-корреспондентом Академии наук Владиславом Иосифовичем Равдоникасом, а полностью ее раскопки были завершены лишь в 1981 г. Это было срубное сооружение внушительных размеров, под одним из углов которого найдена строительная жертва — череп коровы. Внутри сруба располагались столбы, расположенные в четыре ряда. В его центре находилось отопительное сооружение на огнеупорной глинобитной платформе — печь. Это обширное сооружение состояло из жилого сруба с печью в центре, хозяйственной пристройки и боковых галерей, перекрытых общей крышей.

Этот дом был построен в 881 г. Такую точную дату дают дендро-хронологические определения. При строительстве использовали большое количество различных деревянных конструкций от разобранного морского судна — корабельные доски, шпангоуты. Это отчасти дает ответ на вопрос, что за люди жили в этом сооружении. Видимо, они так или иначе были связаны с мореплаванием и морской торговлей. Здесь же найдено большое количество бус и кусков янтаря. Это дало исследователям возможность предполагать, что данный «большой» дом принадлежал купеческой артели, использовавшей свое жилище и как склад для одного из самых ходовых привозных товаров: бус с Востока и янтаря с берегов Балтийского моря. И то и другое служило для обмена на пушнину у жителей Ладожской волости. По заключению археологов, эта ладожская постройка является первым археологическим подтверждением рассказа уже упоминаемого выше арабского писателя, Ахмеда Ибн-Фад-лана, который видел на Волге, как русы строят свои дома. Он сообщает: «Русы прибывают из своей страны и строят на ее берегах большие дома из дерева, и собираются их в одном таком доме десять или двадцать, или больше, или меньше, и у каждого из них скамья, на которой он сидит».

Археологи обоснованно полагают, что стол был внутри «больших» домов, вдоль их длинных стен располагались скамьи и нары, которые ночью использовали для сна, а днем для сидения. Сравним ладожские большие постройки с жилищами викингов в Скандинавии: длина дома викинга составляла от 15 до 30 метров (ладожского — 18 м). В его середине находился

Ладога. Фибула

выложенный камнями очаг. (В Ладоге это была печь на глиняной платформе.) В нем разжигали огонь для приготовления пищи и отопления. Пол дома был сделан из утрамбованной земли (в Ладоге — глина) и покрыт тростником или соломой. Вдоль стен были расположены деревянные настилы. Ночью люди спали на них, а днем сидели. Ни у славян, ни у финнов подобных домов известно не было. Все это говорит о том, что данная традиция принесена в Ладогу с севера варягами. Другое дело, что обитатели в них могли быть представителями разных племен, населявших Ладогу в VIII—X вв.

Скандинавские аналогии имеет планировка Ладоги IX в. Городская территория была поделена на участки, примыкающие к реке или улице. Разделялись они канавами. Эту систему наделов в пределах городской территории связывают с появлением в Ладоге Рюрика с его воинами, ремесленниками, купцами.

Европейские или собственно скандинавские вещи поступали в Ладогу различными путями: посредством торговли, вместе с их владельцами, изготавливались здесь по исходным образцам. Вместе с владельцами однозначно могли поступать амулеты. А в тех случаях, когда вещи производились непосредственно в ладожских мастерских, необходимость их изготовления (например, специфических скандинавских черепаховидных фибул-застежек) определялась наличием в Ладоге варягов-ремесленников и потребителей того же этнического происхождения.

Назову лишь некоторые из находок, обнаруженных в Ладоге и принадлежащих самим скандинавам либо сделанных здесь же на месте по их заказам.

Безусловно, интереснейшим является бронзовый предмет, найденный в постройке X в., который представлял собой часть длинной булавки кольцевой фибулы-застежки. Это толстый граненый обрубок, заканчивающийся звериной головой. Над этой головкой сложная композиция из переплетенных лент. Булавка осталась необработанной до конца. Такими кольцевы-

Ладога. Скандинавские изделия

ми фибулами варяги застегивали плащи. Больше всего аналогичных вещей найдено в Швеции, есть они и на острове Готланд, в Норвегии и Финляндии.

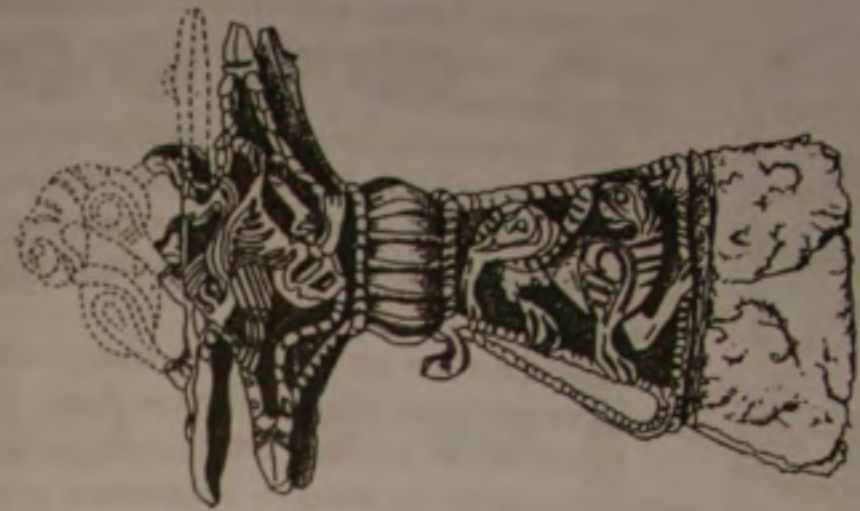
Эта находка привела одного из ведущих российских археологов Галину Федоровну Корзухину к следующему выводу: «До сих пор каждую подобную булавку с декоративным кольцом, найденную в Восточной Европе, мы считали привезенной из Скандинавии. После находки в Ладоге длиной иглы испорченной отливки такой уверенности быть уже не может. Какое-то количество подобных булавок могло быть сделано и в Ладоге». Известна в Ладоге и бракованная бронзовая деталь нагрудного украшения со звериными мордами и типичным скандинавским орнаментом.

Совсем недавно удалось обнаружить и остатки бронзолитейной мастерской, где изготавливались фибулы по скандинавским образцам — мастер был явно северного происхождения.

Замечательная находка в Ладоге — декоративный богато украшенный топорик.

Ладожский бронзовый топорик, сплошь покрытый изображениями животных, назван «одним из чудес, которыми так богата древняя Ладога». Назначение таких миниатюрных топориков до конца не выяснено — он мог быть магическим символом, просто декоративным или парадным, наконец, мог служить оружием для отроков — будущих воинов.

Ладожский топорик отлит из бронзы по восковой модели. Лезвие стальное. Последнее обстоятельство говорит в пользу его боевого назначения.

Ладога. Топорик

Вся поверхность топорика сплошь покрыта орнаментом. Это энергично шагающие хищники, грифоны, остроносые звериные мордочки. Все каемки состоят из бусинок. На обухе находился уверенно и широко шагающий зверь, от которого сохранились лишь четыре лапы.

Встречаются подобные топорики широко, но наиболее ранние найдены в Скандинавии.

Один из исследователей этого ладожского «чуда» Г. Ф. Корзухина отмечает, что «общее впечатление от топорика, от его пышной и тяжеловатой декорировки, от редкой моделировки изображений таково, что невольно в первую очередь вспоминается искусство скандинавов. По-видимому, мастер, создавший ладожский топорик, был выходцем из Швеции».

Шведские мореплаватели — варяги принесли в Ладогу и на Русь в целом свои традиции и приемы судостроения и судовождения.

Это подтверждается письменными и археологическими источниками. Выше уже говорилось о том, что детали отслуживших свое кораблей использовались при строительстве домов в Ладоге. В этом древнерусском городе найдены детали более двадцати судов. Частично это были большие плоскодонные корабли, пригодные для плавания как по рекам, так и морям.

В Ладоге обнаружены наиболее ранние из известных на северо-западе Руси части гребной оснастки — весла и уключины.

Из Ладоги же происходит наиболее древнее графическое изображение корабля. На кости была нарисована ладья с мачтой и треугольным парусом.

Эта находка входит в комплекс скандинавской мастерской, откуда происходит набор инструментов, описанный выше.

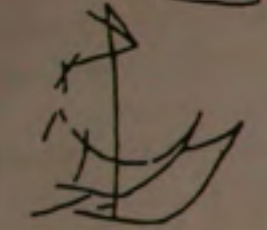
На берестяном поплавке из Ладоги также было процарапано судно. Здесь изображен корабль с мачтой, увенчанной вымпелом или стягом, четырьмя спускающимися к корпусу снастями и рулевым веслом на корме.

У археологов не вызывает сомнений, что это изображение судна скандинавского типа.

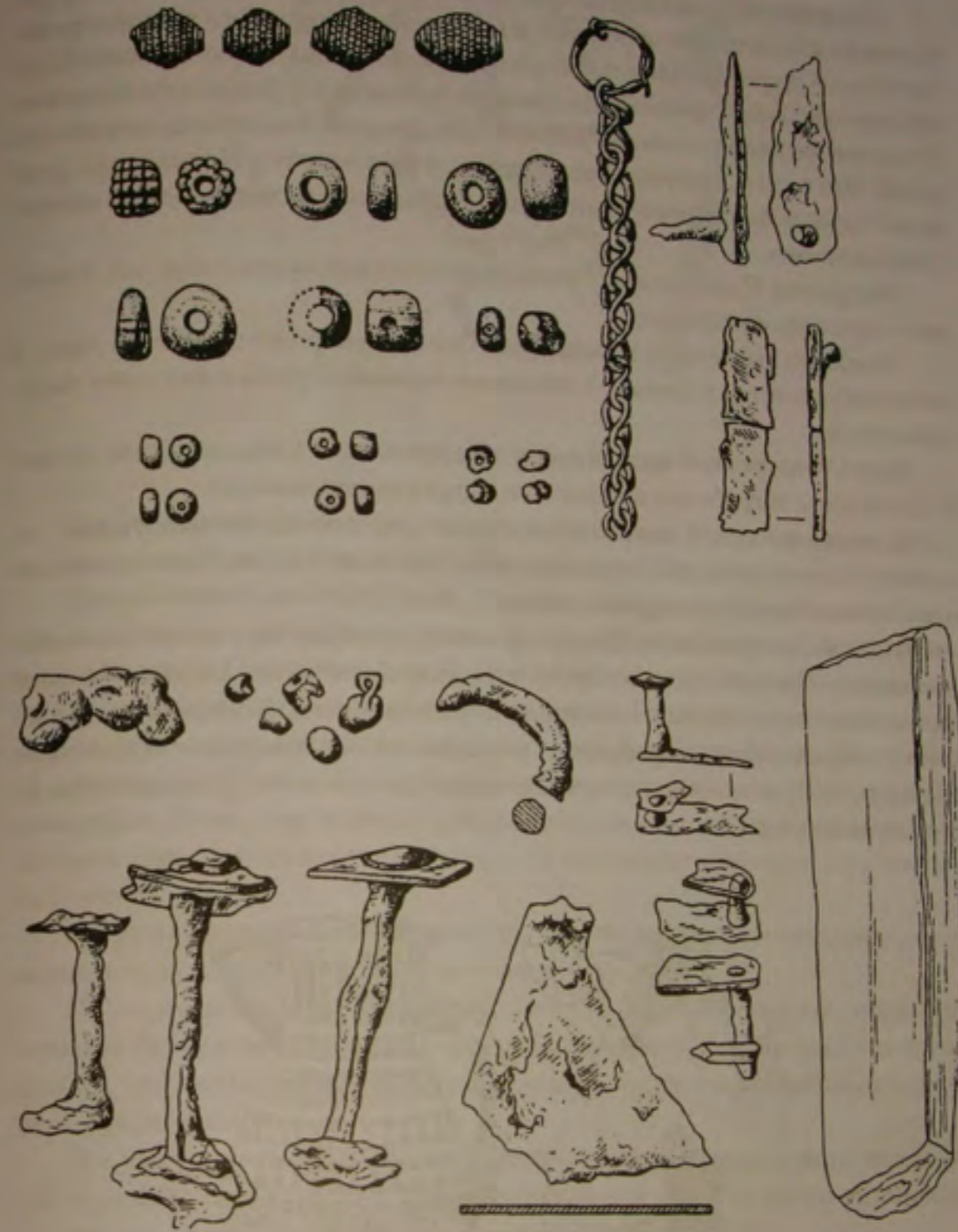
Присутствие варягов в Ладоге характеризуется наличием здесь килевых и паромных судов также скандинавского типа. Многие детали таких кораблей изготовлены из лиственных пород дерева (дуб и ясень), которые в большей степени характерны для Скандинавии, нежели для северо-запада Руси.

Из всего вышесказанного следует, что скандинавское влияние на развитие местного судостроения, и особенно морского несомненно. Однако археологические данные говорят о том, что происходило органическое слияние скандинавской, славянской и финно-угорской традиций в судостроении, и прежде всего — в его технологии.

О том, что скандинавы имели прямое отношение к торговле, говорит и появление в середине IX в. на территории Древней Руси весовых гирек, имеющих северное происхождение. Есть они и в Ладоге, где среди прочих жили торговцы-варяги. Такие гирьки часто встречаются в погребениях с дружинным набором вещей — мечи, копья, боевые топоры и скандинавские по происхождению украшения, ледоходные шипы, ладейные заклепки, костяные гребни. Ладожская коллекция весовых гирек весьма близка одновременным скандинавским наборам. А это говорит в пользу того, что в появлении гирек для весов в древнерусских землях совершенно определенную роль сыграли скандинавы, принимавшие активное участие в торговых связях между Русью и Скандинавией — с одной стороны, и Русью и Востоком — с другой.

Лады. Изображения из Ладоги, Новгорода, Пскова

Ладога. Плакун. Вещи из кургана

Совершенно уникальным явлением для Древней Руси является существование в Ладоге обособленного и этнически однородного курганного могильника в урочище Плакун. Он располагался прямо на берегу Волхова напротив собственно древнего Ладожского поселения — Земляного городища. В первых же раскопанных курганах были обнаружены остатки сожженных ладей. Это дало основание утверждать, что «это первая в Приладожье группа могильных памятников, которую определенно и надежно можно связать с норманнами».

В курганах Плакуна покойников хоронили как поодиночке, так и парами — мужчина и женщина.

Наиболее характерен такой обряд: сначала умерших сжигали в ладье, а затем кости и вещи собирали в глиняные горшки — урны и над ними насыпали курган.

Всего в некрополе сохранилось 18 курганов, и в большинстве из них (11) найдены погребения в ладье или в деревянных камерах.

Сопровождающие погребенных вещи достаточно разнообразны: заклепки и гвозди от ладей, оковки ларцов, игральные доски, пряжки от поясов, ледоходные шипы, стрелы и ножи.

В одном из курганов найден клинок меча, который был вонзен в основание насыпи. Часто встречаются бронзовые и серебряные предметы — бывшие украшения, пострадавшие от огня до неузнаваемости. К женским украшениям также относятся серебряные, стеклянные, сердоликовые и хрустальные бусы. Посуда представлена в основном глиняными горшками и фризскими кувшинами.

Ладога. Плакун. Фризский кувшин

Ладога. Плакун. Лепной горшок

Наиболее интересен и богат один из курганов Плакуна, по которому можно составить представление в целом об этом могильнике.

В основании данного кургана, в центре, находился погребальный костер, на котором в ладье был сожжен умерший вместе с сопровождающими его вещами. Среди них: ладейные болты и гвозди, железная оковка от ларца, железная пряжка от пояса, сланцевый оселок для точения ножей, медная цепочка, кусочки сплавившихся украшений из бронзы и серебра, 13 стеклянных бусин, 4 ажурные биконические бусины из серебряной проволоки, бронзовая прямоугольная пряжка, медвежий клык — амулет, обломки ладожского лепного сосуда, сделанного не вручную, а на гончарном круге.

Найденные вещи дали составленную по крупницам ценнейшую информацию о кургане и о погребенном в нем усопшем.

По нескольким обломкам удалось восстановить гончарный сосуд — он оказался фризским кувшином, богато украшенным орнаментом из полосок, ромбов, треугольников, сетки. В придонной части его располагался крест типа «георгиевского».

Все эти узоры выполнялись из серебряной фольги или наносились белой краской. Но поскольку кувшин побывал в огне, то точно установить технику его орнаментации не представляется возможным.

У кувшина имелись массивная ручка и носик. Таких кувшинов найдено очень мало — не более трех с половиной десятков — в Швеции, Норвегии, Дании и Северной Германии. И вот один из них вместе со своим владельцем попал в Ладогу. Они настолько похожи друг на друга, что ученые ду-

мают, что сделаны они в одной мастерской и руками одного мастера. Жаль, что, как это часто бывает и в случаях с мечами, он не имел своего личного клейма, иначе мы могли бы установить имя великоленного фризского мастера. В самой Скандинавии нет необходимых исходных материалов для изготовления подобных кувшинов — такой глины, серебряной фольги и краски. Поэтому ученые предполагают, что их родиной была Фризия и мастерская располагалась где-то на берегах Рейна. В Скандинавию они могли попасть широко известным в те времена водным торговым путем: Доррстад (отмечу — родина и вотчина Рюрика) — Гамбург — Хедебю. А уже из Хедебю кувшин попал в Ладогу и в итоге оказался здесь в погребении.

Второй примечательной находкой скандинавского происхождения в этом кургане являются четыре ажурные биконические бусины из серебряной рубчатой проволоки. Подобные известны в Швеции и на Аландских островах. А в Бирке (Швеция) они часто встречаются в одних погребениях с фризскими кувшинами. Это подтверждает мысль о том, что данный кувшин попал на Русь из Фризии через Скандинавию.

Все находки в данном кургане говорят в пользу того, что здесь была захоронена женщина и совершенно это погребение было в середине IX в., то есть во время прихода Рюрика «с родом своим» на Русь. Это скандинавское женское захоронение в Ладоге не единственное. Могильник на Плакуне — это не кладбище заезжих купцов или воинов-грабителей. Здесь были захоронены люди, жившие в Ладоге постоянно вместе с семьями.

Жили они рядом с коренными ладожанами — славянами и финнами. В пользу этого говорят и вещи, которые не могли быть предметами купли-продажи — вещи чисто бытового назначения (например, деревянное корытце со скандинавским орнаментом в виде плетенки) и культовые предметы (железный топорик — символ скандинавского бога Тора и часть железной гривны, на которые обычно навешивались привески в виде молоточков или топориков того же Тора).

Особое значение имеет обнаружение в Ладоге на резных предметах скандинавских рунических надписей — заклинаний.

Первой еще пятьдесят лет назад была найдена деревянная палочка с рунами. Тогда это казалось чистой случайностью, но дальнейшие открытия показали, что это не так. Деревянная палочка была специально изготовлена, а руны были нанесены на нее в конце VIII — начале IX в. Окончательно вопрос о прочтении данной надписи не решен, и существует три варианта ее прочтения. Ясно, что все они связывают эту надпись с поэзией скандинавских поэтов средневековья — скальдов.

Первый вариант: «Сверкающий лунный эльф (сверкающее чудовище) будь под землей» — означает магическое заклинание. Как известно, эльфы в германской мифологии — это духи природы, благожелательные к людям.

Второй вариант: «Наверху на щите, облаченный в оперение орла, покрытый инеем господин; сияющий лунный волк; пядей плуга широкий путь». Перед нами поэтическое описание изображения на щите.

И наконец, третье прочтение является хвалебной скальдической надписью в честь умершего: «Умер (попал после своей смерти) в выси одетый в (могильный) камень владетель трупов (воин), сияющий, губитель мужей, в могучей дороге плуга (земле)».

Эта надпись является показателем высокой духовной культуры скандинава-ладожанина, начертавшего ее на деревянной палочке.

Вторая ладожская руническая надпись выявлена на медной подвеске, найденной в большой постройке — святилище, имевшем общественно-культовое значение.

К сожалению, несмотря на то, что отдельные руны были прочитаны, общий смысл надписи понять не удалось. Ясно, что это было заклинание, а сама подвеска имела магическое значение и относится к X столетию.

Таковы скандинавские находки в Ладоге, которая была изначально славянским поселением, а затем стала международным раннегородским центром и далее городом славян, расположенным на пути «из-за моря» в глубь русской равнины.

Именно из Ладоги начинались два великих водных пути Древней Руси — Волжский «из варяг в арабы» и Днепровский «из варяг в греки».

Неудивительно, что именно здесь прежде всего и появляются выходцы из Скандинавии — воины, торговцы, ремесленники, чтобы оставить свой неизгладимый след в ранней русской истории.

Рюриково городище и Новгород

Согласно летописи, Рюрик, придя на Русь, обосновался в Новгороде. Произошло это, как мы знаем по летописи, в 862 г., а вот многолетними археологическими раскопками установлено, что город этот на своем историческом месте возникает лишь столетием спустя, в X в. Однако это противоречие письменных и археологических источников удалось устранить.

В истоке Волхова, там, где он берет начало из озера Ильмень, находится древнее поселение, называемое Рюриковым городищем.

Летопись определяет эти места как исконно славянские: «Словени же седоша около езера Илмеря, и прозвашася своим именем, и делаша град, и нарекоша и Новьгород».

Именно здесь и было расположено Рюриково городище, о котором знаменитый русский художник и археолог Николай Константинович Рерих писал: «Богатое место Городище! Кругом синие заманчивые дали. Темнеет Ильмень. За Волховом — Юрьев и бывший Аркажский монастырь. Правее сверкает глава Софии и коричневой лентой прогнулся Кремль. На стороне белеют все храмы, что кустом стоят... Все, как на блюде за золотым яблочком».

Почти сто лет продолжаются раскопки этого ныне широко известного во всей Европе поселения.

Копали здесь такие именитые исследователи, как художник Николай Константинович Рерих, патриарх советской археологии первооткрыватель новгородских берестяных грамот академик Артемий Владимирович Арциховский, выдающийся петербургский археолог и искусствовед, исследователь Киева и Новгорода, профессор Михаил Константинович Каргер и многие другие.

Однако лишь недавно в результате исследований известного петербургского археолога, доктора исторических наук Евгения Николаевича Носова удалось получить достаточно полное представление об этом поселении, о людях, его населявших, в том числе и в период «призвания» варягов на Русь.

Здесь найдены многие замечательные вещи, принадлежавшие варягам, ими изготовленные или привезенные на Русь. Назовем некоторые из них.

К портупее для ношения меча или конской упряжи принадлежит бронзовая накладка, украшенная скандинавским орнаментом и звериной мордой. Этот стиль называется Борре, по местечку в Норвегии, и вещи, так выполненные, бытовали в IX—X вв.

Больше всего скандинавских вещей среди украшений, культовых предметов и амулетов. Это прежде всего детали одежды — бронзовые фибулы-застежки, богато украшенные орнаментом, иногда и человеческими масками. Есть все основания полагать, что такие фибулы не только привозились из Скандинавии, но и производились ремесленниками здесь, на Городище. К числу культовых вещей относятся железные шейные гривны с привесками в виде молоточков — символов скандинавского языческого бога Тора.

Уникальна серебряная фигурка женщины — валькирии.

В скандинавской мифологии валькирии — воинственные девы, решающие по воле бога Одина исход сражений. Они отбирали храбрейших из павших воинов и уносили их в Вальхаллу. Это была страна мертвых, находившаяся во дворце Одина, где погибшие воины продолжали свою героическую жизнь.

Рюриково городище.

Скандинавские ювелирные украшения

Рюриково городище. Скандинавские ювелирные украшения

Рюриково городище.
Гришны с молоточками Тора

Изображения валькирий хорошо известны в Скандинавии, но городищенская находка является первой в Древней Руси.

К скандинавским также относятся бронзовая булавка с отверстием и навершием бронзового орнаментированного туалетного пинцета.

Из построек Рюрикова городища происходят две подвески — амулеты с отверстиями для привешивания, а одна из них и с колечком. На ту и на другую были нанесены руны. Надписи на обеих подвесках идентичны. По форме эти подвески абсолютно аналогичны находкам в Скандинавии, где они являются амулетами, а надписи на них содержат магические формулы-заклинания.

Надпись на подвесках, найденных на Рюриковом городище, означает: «Да не будешь ты лишен мужской силы». Предполагают, что одна надпись была скопирована с другой.

И здесь начинается настоящая детективная история, которую можно представить следующим образом.

Некий варяг-воин, прибывший на Городище или прямо из Скандинавии, или из Ладоги вместе с подвеской-амулетом, где она и

могла быть изготовлена, заказал местному мастеру изготовить по имеющемуся образцу еще один амулет с заклинанием. Однако мастер, видимо, либо был менее опытен в рунописи, либо очень спешил и допустил хоть и незначительные, но все же ошибки. Делалось это на Городище, и мастер владел

руническим письмом. К заказчику эта подвеска не попала и в силу неизвестных нам причин была утрачена вместе с оригиналом. Можно было бы фантазировать дальше, но тогда мы переступили бы грань достоверности и дальнейшие рассуждения были бы уже художественным вымыслом.

Типично скандинавскими являются и такие широко распространенные в Скандинавии и оттуда проникшие на Русь предметы, как бронзовые литые бляшки в виде стилизованных звериных морд с петельками для крепления. С их помощью к холщовым штанам пришивались гетры, связанные из толстой шерсти. Это являлось частью характерного мужского скандинавского костюма. Точно такие же бляшки известны в Швеции в городе Бирка, а также в центрах, где бывали и жили варяги в IX—X вв. на территории Древней Руси — Гнездове на Днепре и Тимере на Волге. На городищенской бляшке отсутствовала очень важная функциональная деталь — не было крючка. Что-то не заладилось у мастера, и получился брак. На второй подобной бляшке крючок был, но отсутствовали отверстия для привешивания. Отсюда совершенно ясно, что обе они были неудачной продукцией местных ремесленников — варягов.

С кругом балтийских древностей связаны и такие находки, как ланцетовидные стрелы, игральные шашки, ладьевидные браслеты, глиняные диски — грузила от вертикальных ткацких станков, крупные гребни фризско-скандинавского типа и ряд других.

Находки амулетов, в том числе и подвесок с руническими надписями, говорят в пользу того, что среди первых обитателей Городища в IX в. были и скандинавы.

Е. Н. Носов, исследователь Городища, так характеризует начальный этап истории этого поселения: «В IX—X вв. Городище представляло собой крупное торгово-ремесленное поселение в узловой точке водных путей лесной зоны Восточной Европы, где сходились балтийско-волжский путь и путь «из варяг в греки»». В самом его начале «лицо» городка определяли его связи со Скандинавией.

Рюриково городище.
Подвески с руническими надписями

Кроме названных выше вещей из построек непосредственно на Городище известны и случайные находки. Это рукоять франкского меча X в.; отливка нижней части фибулы, представляющая собой голову мужчины и ниже ее — голову зверя; свинцовая голова дракона с открытой пастью и закрученным языком, являвшаяся, видимо, оковкой ларца. Отливка фибулы получилась неудачной и была выброшена местным ремесленником — скандинавом или славянином, работавшим в северных традициях и производившим вещи для варягов, живших здесь в Приильмене. Сюжет ее изображений — две головы (человека и зверя) типичен исключительно для скандинавского мировоззрения: животное, пожирающее человека.

Этот обзор находок скандинавского происхождения говорит о том влиянии, какое оказывала северная культура на область словен новгородских. Но скандинавские элементы культуры Городища еще раз подчеркивают, какую важную роль играл этот центр в исторических связях Древней Руси со Скандинавией. Варяги же, органично вписавшись в местное славянское общество, внесли свой весомый вклад в его социальную, экономическую, политическую и культурную жизнь. Присутствие выходцев из Скандинавии на Городище начиная с IX столетия вполне соответствует той исторической обстановке, которая сложилась на северо-западе в эпоху образования Древнерусского государства, и это соотносится с летописными данными.

Видимо, Рюриково городище и было тем Хольмградом (Новгородом), куда, согласно летописи, и пришел Рюрик в 60-х годах IX в. Но первоначально он появился в Ладоге, которая, по оценке А. Н. Кирпичникова, в 860-е годы «развилась настолько, что кратковременно становится столицей образующейся Империи Рюриковичей».

Как следует из разных вариантов «Повести временных лет», Рюрик недолго пробыл в Ладоге и перешел к истоку Волхова. «И пришед по Илмерю и срубил городок над Волховом, и прозва и Новгород, и сяде ту раздволости». Таким городком Рюрика на Ильмене в IX в. могло быть только Городище. Крупный советский историк Древней Руси академик Михаил Николаевич Тихомиров в связи с этим писал: «В истоке Волхова во второй половине IX в. резиденция Рюрика могла быть только на Городище». В летописи речь идет не об основании поселения Городища, а о строительстве Рюриком укреплений и создании княжеского замка. И уже позднее была возведена новая крепость — Новый город, которая и дала общее название всем окружающим ее, а затем слившимся воедино поселкам.

Итак, Рюриково городище, как крепость и как административный, политический, экономический и культурный центр, было непосредственным предшественником древнерусского Новгорода.

Следы скандинавов, но уже гораздо в меньшей степени, чем на Рюриковом городище, прослежены и в самом Новгороде. Они сосредоточены в ранних слоях города, относящихся к X—XI вв. и свидетельствуют в пользу того, что их владельцы варяги жили в это время в Новгороде.

Предметом скандинавского импорта является железная крученая посеребренная гривна из дрота четырехгранного сечения. Она найдена в слое второй половины X в. Скорлупообразная (черепашевидная) бронзовая с позолотой фибула, являющаяся важным элементом скандинавской одежды, свидетельствует, что в составе населения раннего Новгорода были женщины «из-за моря». Такими фибулами крепились бретели одежды, состоящей из двух полотнищ ткани. К древнейшим для Новгорода относится круглая ажурная привеска, выполненная в скандинавском стиле Еллинге, для которого характерны изображения борющихся зверей. Изображения молоточков Тора прочитаны на двух литых монетовидных привесках. Возможно, что они изготовлены в Бирке в Швеции, где найдена формочка для отливки подобных украшений. Привески-крестики с изображением распятий также входят в круг скандинавских древностей Новгорода. Всего их найдено три экземпляра, и все они были отлиты из меди. Лицо Христа на них, с усами и бородой, продолжает языческую традицию изображений человеческих лиц на скандинавских украшениях и амулетах. Кроме того, к скандинавским вещам можно причислить такие новгородские находки, как бронзовая накладка на односторонний гребень, бронзовая рукоятка ножа с изображением человеческой фигуры, ажурная накладка с плетеным орнаментом, некоторые типы массивных литых браслетов, костяные односторонние большие по размеру гребни с орнаментом, ланцетовидные наконечники стрел, орнаментированная рукоятка меча, орнаментированный боевой топор и ряд других предметов. К ним можно причислить и характерную кожаную обувь, сшитую по скандинавским образцам, и деревянный брус с типично северной звериной плетеной орнаментацией.

Известны в Новгороде и две находки рунических надписей. Первая выявлена на обломке кости домашней свиньи и состоит из одиннадцати знаков, а вторая процарапана на обломке ребра коровы. Оба предмета происходят из культурного слоя первой половины XI столетия. К сожалению, прочитать их не удалось.

Обнаруженные в Новгороде скандинавские древности позволили исследователям прийти к следующему заключению: «...Отдельные скандинавы оседали в Новгороде. Однако небольшое количество скандинавских предметов, в процентном отношении ничтожное по сравнению с находками славянских, финно-угорских и балтских изделий этого же времени, застав-

дает предположить, что роль норманнов не была значительной, и к XII в. скандинавские культурные элементы уже не прослеживаются археологически».

В общем, ситуацию надо оценивать таким образом. В 60-х годах IX в. Рюрик с дружиной продвигается в глубь северо-западных славянских земель и выбирает для своего стольного города, взамен Ладоги, место у истока Волхова из Ильменя в уже существующем торгово-ремесленном и административном центре округа — Городище. Он укрепляет его, и Городище стремительно развивается, являясь прежде всего княжеским центром. В X в. на основе слияния нескольких родовых поселков возникает исторический город Новгород, а Городище, впоследствии называемое Рюриково, продолжает оставаться резиденцией новгородских князей. Летописец, писавший в XI в. о «призвании» варягов и называвший Новгород, имел в виду уже в самом деле Новый город, раскинувшийся по обоим берегам Волхова, ставший столицей Северной Руси, а не небольшое поселение — Городище. На нем же еще долго будет находиться княжеский двор, но все важнейшие жизненно важные вопросы будут решаться не там, а на вечевой площади, находившейся на территории Ярославова дворища в самом Новгороде.

Гнездово и Смоленск

В летописи говорится, что кривичи обитают в верховьях Волги, Двины и Днепра, «их же град есть Смоленск». В одной из летописей под 862 г. сообщается, что Смоленск «велик и мног людми» и управляется старейшинами. Плывшие по Днепру Аскольд и Дир не решились захватить его. И несколько позже, во время объединения Северной (Новгород) и Южной (Киев) Руси, он был завоеван Олегом. «В лето 6390 (882 г.). Поиде Олег, поим воя многи, варяги, чюдь, словени, мерю, весь, кривичи, и призе к Смоленску с кривичи, прия град, и посади мужь свои...» И здесь, так же как и в ситуации с Новгородом, возникает вопрос: где находился этот самый летописный кривичский славянский город Смоленск? Ответ на него может дать только археология. Поэтому и обратимся к данным, полученным в результате раскопок.

На территории самого исторического Смоленска культурные слои известны лишь с XI столетия.

А он, судя по летописям, еще в IX в. был крупным племенным центром кривичей — одного из самых могучих племенных союзов восточных славян.

Таким претендентом на роль летописного древнего Смоленска может быть громадный комплекс памятников, расположенный у села Гнездово, который иногда называют «Гнездовским Смоленском», а само Гнездово определяют как место «старого Смоленска».

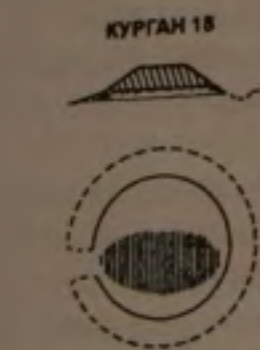
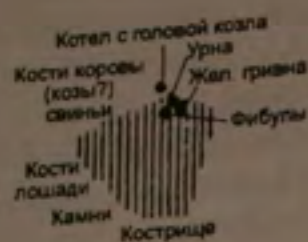
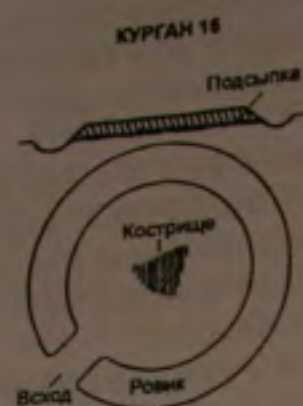
Он включает в свой состав крупнейшее в Древней Руси и в Европе скопление курганов, состоящее из десяти могильников и насчитывающее около трех тысяч насыпей — усыпальниц. Кроме того, здесь известны укрепленные городища и обширное открытое селище, десятков кладов дорогих вещей и восточных монет также происходит из этой местности.

Наиболее эффектным является клад, найденный в Гнездове в 1868 г. В его составе — меч, две бронзовые черепаховидные фибулы, более ста русских, скандинавских и восточных серебряных украшений. В клад входили и различные монеты — арабские (17 экземпляров), византийская и англосакская. К древнерусским вещам относятся шейные гривны, лунницы, подвески с зернью, бусы, литые подвески, пряжка с растительным орнаментом, превращенная в подвеску, височные кольца в виде браслетов с завязанными концами. Список иноземных вещей составляют шейная гривна, две скандинавские черепаховидные фибулы, две круглые фибулы с плетеным орнаментом и скульптурными фигурками оленей того же происхождения, литые серебряные позолоченные прорезные подвески с изображением чудовищ, подвеска в виде мужского бородатого лица под забралом, серебряная поясная фигурка — изображение божка, а также другие подвески и бусы.

Загадочной в этом кладе является серебряная коробочка, украшенная тремя головками быков и бахромой на цепочке с ромбическими привесками.

В других гнездовскихкладах также представлены скандинавские вещи: стеклянная шашка, круглая фибула и некоторые другие. Однако наиболее выраженный скандинавский характер носит клад 1868 г., зарытый в землю в конце X столетия. По заключению археологов, этот клад, состоящий из личного убора представителя дружинной знати, может увязываться со скандинавскими большими курганами Гнездова.

Гнездовские курганы в основном принадлежали местному славянскому кривичскому населению. Хоронили главным образом по обряду кремации и без вещей. Наиболее типичным для Гнездова являются курганы полусферической формы высотой до 2 метров. Покойного сжигали на месте сооружения насыпи, а затем кости собирали в урну, которую устанавливали здесь же, в основании насыпи прямо на кострище. Среди курганов с сожжениями, а они составляют более половины всех усыпальниц, доминирует такой обряд. Покойных сжигали также на стороне, затем их кости переносили

Оружие и доспехи
Урна
Гнездово.
Большие Курганы

на место сооружения кургана и помещали в верхних частях насыпей (около 40%). Иногда кости складывали в глиняные горшки-урны. В Гнездове обнаружено много так называемых «пустых» курганов. Ученые предполагают, что в них просто не сохранились остатки сожженных, размещавшихся в их верхних частях. Курганов с обычными захоронениями в Гнездовском могильнике крайне мало (около 2%). Это означает, что на рубеже X–XI вв. некрополь перестает использоваться, так как именно в это время на Руси под влиянием христианизации общества на смену кремациям повсеместно приходят ингумации.

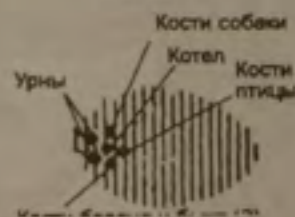
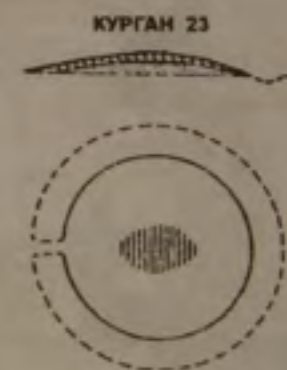
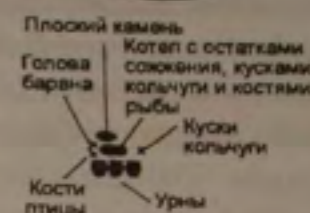
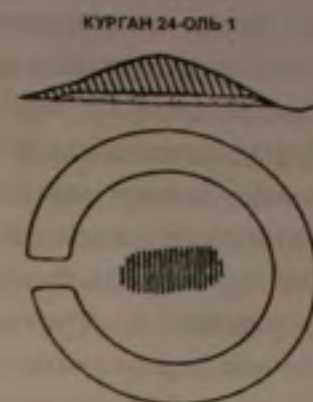
Значительное количество Гнездовских курганов характеризуется таким обрядом погребения, когда прямо на площадке, где потом собирались воздвигнуть курган, разжигали погребальный костер и на него клали умершего, одетого в лучшие одежды. Покойника в мирной сопровождали вещи, необходимые ему, на взгляд соплеменников, в его новой потусторонней жизни: оружие, бытовая утварь, орудия труда, глиняные сосуды, украшения, амулеты.

Среди прочих в Гнездове выделяются «большие» курганы, как по своим размерам, так и по богатству и разнообразию вещей, в них найденных. Всего в Гнездовском некрополе археологи насчитывают до десятка таких усыпальниц. Впечатляют их размеры, когда высота колеблется от двух до восьми метров, а диаметр — от 25 до 40 м.

Все они сходны и по обряду погребения — это были сожжения покойников на месте сооружения насыпи. Кострища имели подтреугольную или овальную форму; практически во всех случаях это были парные захоронения (мужчина и женщина), сожженные кости покойников после их кремации помещались в глиняные урны, и рядом с ними устанавливался железный котел с костями и черепом жертвенного барана или козла.

Весьма разнообразен и показателен инвентарь этих захоронений. Почти везде найдены оружие и доспехи. Среди них франкские мечи, шлемы, топор, копье, стрелы, кольчуга. Показательны находки типично скандинавских железных шейных гривен с амулетами — привесками в виде молоточков Тора. Дополняют этот список черепаховидные и трехлепестковые скандинавские фибулы — неизменная принадлежность северного женского костюма, ледоходные шипы, ларцы, конская упряжь, бусы, привески, нагрудные цепи, шиферные пряслица, фризские костяные гребни, ножи, оселки для их точки и другие вещи.

Петербургский археолог, известный своими исследованиями материалов Гнездовского могильника, Василий Александрович Булкин так описывает последовательность действий сородичей умершего при сооружении большого кургана: 1) сначала выбиралось место для воздвижения насыпи; 2) затем определялись его размеры в поперечнике основания, что составляло в среднем 30 метров; 3) далее выжигалась растительность на этой площадке; 4) сооружалась подсыпка из плотной глины мощностью около 1 м; 5) по всходу вносилась и устанавливалась ладья; 6) в ладье размещали покойников. Мужчина был облачен в доспехи и сопровождался оружием, а женщина обряжена в праздничную одежду; 7) все это обкладывалось дровами и хворостом и поджигалось; 8) пережженные кости сгребались и складывались в урны; 9) совершались жертвоприношения животных, и в первую очередь барана или козла. Их расчлененные туши целиком или частично помещали в котел, который устанавливали рядом с урнами, где покоился прах усопших; 10) после этого били глиняную посуду, ломали некоторые вещи, например железные шейные гривны; 11) и наконец сооружали насыпь.

Гнездово.
Большие Курганы

Что происходило потом, археологические источники не могут свидетельствовать. Видимо, происходили обряды поминания, плачи, тризна и, возможно, воинские состязания.

Все названное выше, а именно характер погребальной обрядности и набор вещей, дает основание утверждать, что захоронены под большими курганами были скандинавы, принадлежащие к местной элите общества. Были они, вероятно, купцами, воинами, предводителями дружинных отрядов. Однако неверно было бы думать, что все варяги в Гнездове и в целом на Руси были таковыми. Здесь же захоранивались и рядовые члены дружин, торговых сообществ, ремесленники, их жены или наложницы. И примеров тому в Гнездове предостаточно.

Гнездово.
Котел с головой барана
и скрамасаксом

По данным профессора Даниила Антоновича Авдусина, раскопавшего много курганов в Гнездовском могильнике, в этом некрополе насчитывается около 50 варяжских погребений из 950 раскопанных.

К скандинавским относится один из курганов Гнездовского могильника, сооруженный в IX в. Пережженные человеческие кости здесь находились в трех глиняных горшках, которые были установлены на камни на специально утрамбованной земле. По разные стороны от одного из них были вонзены в землю меч и копье, на второй была найдена железная гривна с амулетами-привесками — молоточками Тора. В третьем на-

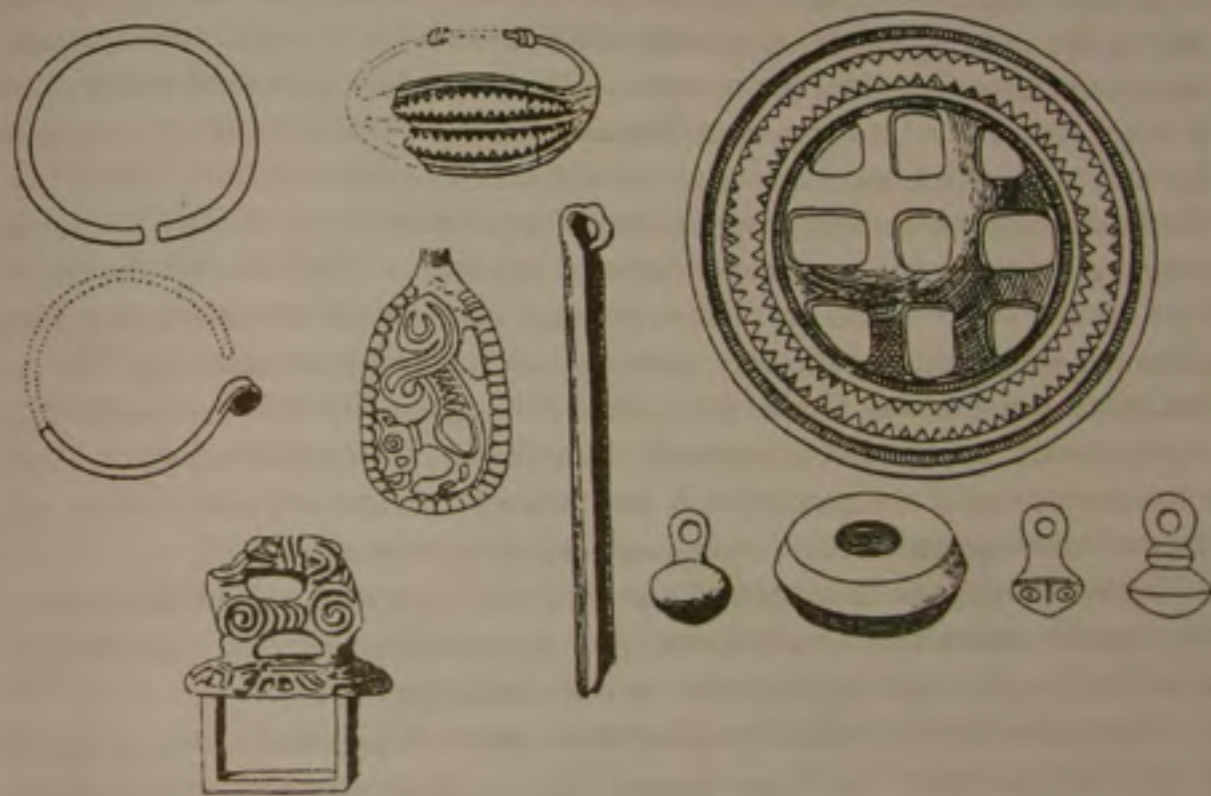
Гнездово. Находки в курганах. Оружие

ходились различные вещи. Копье имеет явно северное происхождение, ибо на нем был вырезан специфический скандинавский готический орнамент.

Все это говорит в пользу того, что перед нами захоронение варяга.

К скандинавским относятся еще три небольших и небогатых кургана, где найдены амулеты — молоточки Тора и ланцетовидные стрелы. Еще одного захороненного варяга сопровождали поясной набор со скандинавским орнаментом, наконечник ножен меча с изображением птицы, нож и наконечник его ножен, две фибулы — подковообразная и черепаховидная. На более богат курган из раскопок крупнейшего русского археолога прошлого века Алексея Сергеевича Уварова. Здесь найдены: восемь ланцетовидных стрел (скандинавские), две ромбовидные (русские) и одна двушипная (также скандинавская), оковка ножен ножа, деталь от щита, подковообразная фибула, шесть бочонковидных весовых гирек явно северного происхождения, железный молоток и многочисленные бусы.

Целый ряд гнездовских курганов объединяются такими признаками, как погребения в ладье, наличие костей козла, иногда положенные в котлы гривны с привесками — молоточками Тора.

Гнездово. Находки в курганах. Ювелирные изделия

Гнездово. Находки в курганах. Весы. Меч

Назовем наиболее яркие из них, в которых четко видны скандинавские черты. В одном из курганов покойник был сожжен в ладье, длина которой достигала 10 м. Ладья была скреплена 234 заклепками. Для сравнения приводятся находки в Скандинавии. Малая лодка из Туны (Норвегия) длиной 6 м имела 180 заклепок, а лодка длиной 10 м из того же кургана — 350 штук. Наибольшее количество заклепок в корабле из Гокстада — 3000. Таким образом, в Гнездове найдена ладья средней величины. Инвентарь этого кургана весьма богат — два железных котла, содержащих кости козлов. Как известно, богу Тору приносили в жертву именно этих животных, а затем они якобы воскресали. Кроме того, здесь найден боевой нож — скрамасакс, украшенный серебряной бородатой маской с обеих сторон клинка. Этот нож был положен поверх сосуда с остатками жертвенного животного, что говорит о его прямой связи с ритуалом жертвоприношения.

Кроме того, в состав вещей входят мужские поясные наборы с бляшками скандинавских типов, скорлупообразные женские фибулы, восемь привесок Тора и другие вещи северного происхождения.

Двадцать ладейных заклепок, медный котел с черепом и костями барана, гривна с молоточками Тора, черепаховидная фибула, глиняные горшки, пряслице из розового шифера, складные весы, гири с медным футляром от них, оселок, игральные шашки сопровождали в мир иной еще одного скандинава, захороненного вместе со своей женой или наложницей.

Великолепный набор оружия представлен еще в одном гнездовском кургане. Погребенный варяг при жизни был вооружен мечом, кинжалом, воткнутыми в землю при погребении, копьем и луком со стрелами. В его доспех входили шлем (им было накрыто оружие) и кольчуга. Здесь также было парное захоронение — мужское и женское. В пользу этого говорят и другие вещи — игральная кость, весы с футляром, поясной набор, гривна с молоточками Тора, две скорлупообразные фибулы, бусы. Все эти находки, а также ладейные заклепки и кости барана говорят о скандинавском происхождении погребенных.

Впрочем, захороненный в кургане варяг имел в своем арсенале и русские вещи — шлемы, кольчуги, копье. Это свидетельствует в пользу того, что пришельцы «из-за моря» были восприимчивы к местным условиям и традициям.

Список скандинавских погребений в Гнездове можно было бы продолжить, но следует назвать лишь наиболее характерные этнически определяющие вещи — ладейные заклепки (захоронение в ладье); гривны с молоточками Тора (сугубо скандинавский культ); игральные шашки и кости (излюбленная игра варягов); черепаховидные и трехлистные фибулы (неотъемлемая деталь скандинавской женской одежды); вонзенные в землю и сломанные затем мечи (северный обычай порчи оружия); ланцетовидные стрелы (несомненно образцы скандинавского оружия); северные поясные наборы; застежки обуви в форме птиц и многое другое.

Если ясно, что в данных курганах захоронены варяги — воины-торговцы, то женщины могли иметь как скандинавское, так и местное происхождение. Но могло быть и наоборот, когда женщину-скандинавку хоронили вместе с ее иноплеменным господином.

Среди захороненных в Гнездове варягов могли быть как умершие в пути, так и постоянно обитавшие в этом контрольном пункте на пути «из варяг в греки». Они жили или останавливались на поселении, которое долгое время не было известно археологам. И лишь в конце 60-х годов нашего столетия в этом вопросе появилась полная ясность. В результате изысканий выдающегося петербургского археолога Ивана Ивановича Ляпушкина Гнездовское поселение было открыто и начались его раскопки. Удалось установить, что начало этого поселения относится к рубежу VIII—IX вв. и его основателями были славяне, занимавшиеся различными ремеслами, в том числе и ювелирным делом.

В результате дальнейших раскопок здесь, на поселении, удалось собрать неплохую коллекцию вещей северного и конкретно — скандинавского происхождения. Среди них скорлупообразные, кольцевидные, равноплечная,

Гнездово. Вещи скандинавского происхождения

круглая и трехлистая фибулы, орнаментированный наконечник ножен меча, бронзовая накладка на конскую уздечку, также орнаментированная в скандинавском стиле, коромысла от весов, костяные игральные шашки, ладейные заклепки, глиняные диски от вертикального ткацкого станка, амулеты — молоточки Тора. Обращают на себя внимание те факты, что на поселении найден полный набор мужских и женских скандинавских фибул, а также связка молоточков Тора. Это несомненно говорит в пользу того, что скандинавы были постоянными обитателями Гнездовского селища.

Раскопки на одном из Гнездовских городищ тоже дали интересные результаты. Прежде всего сделанная здесь находка глиняной литейной формы

дает основание утверждать, что среди его жителей были скандинавы-ремесленники, имевшие спрос на свою продукцию. Их постоянное присутствие на городище подтверждается многочисленными находками, среди которых наверхие рукояти западноевропейского меча, стеклянная игральная шашка, бронзовая поясная бляшка с человеческим лицом, миниатюрная бронзовая подковообразная фибула с подвеской — молоточком Тора, ланцетовидная стрела, туалетный пинцет с бронзовым фигурным навершием и другие. Если о части находок северного происхождения можно говорить как о предметах торговли, принадлежащих уже не только варягам, но и славянам, то установлена несомненная «принадлежность овальных фибул и железных гривен с подвесками — молоточками Тора к выходцам из Скандинавии, по каким-либо причинам попавшим в некоторые пункты Руси в IX — начале XI в. Эти люди принесли с собой свой племенной наряд, свои верования, свой обряд погребения».

Крупнейший исследователь археологии Смоленщины, и в том числе Гнездова, профессор Евгений Альфредович Шмидт полагает, что «основную массу гнездовского населения составляли славяне, но одновременно в Гнездове в какой-то отрезок времени находились и норманны, оказавшие некоторое влияние на культуру Гнездова (в археологическом понятии). Однако это влияние нет никаких оснований считать сколько-нибудь глубоким и значительным, так как в последующий период, начиная с XI в., каких-либо заметных скандинавских элементов в местных курганах не встречается».

Это, впрочем, не является критерием оценки роли варягов в историческом развитии русского Поднепровья. Скандинавские элементы в XI в. не прослеживаются в могильных древностях Руси повсеместно по двум причинам — кончилась эпоха викингов, а те скандинавы, что приходили на Русь в IX—X вв., уже полностью влились в состав древнерусской народности и стали ее неотъемлемой и неотличимой частью, и, кроме того, с рубежа X—XI вв. началась христианизация и ушли в прошлое богатые, четко этнически выраженные погребения, а на смену им пришли рядовые христианские захоронения, практически лишенные каких бы то ни было вещей — славянских, скандинавских, финно-угорских, балтских. Им на смену пришел самый простой древнерусский набор — нож, оселок, пряжка, бусы, поясное кольцо и т. д. Гнездово не было норманнской факторией, и скандинавы, жившие здесь или проходившие через Гнездово по древнерусскому пути «из варяг в греки», занимались и торговлей, и ремеслом, и ратным трудом. Они одновременно были и дружинниками, и купцами, и ремесленниками, и разбойниками. Жили по законам местного славянского общества, вно-

Шестовицы.
Парное захоронение с конем

шип, поясная пряжка, бронзовое кольцо, три бронзовые пуговицы, костяная гребенка. К скандинавским относится костяное острие с головой дракона и резным плетеным орнаментом, изображающим птиц. Судя по всему, здесь был захоронен воин, видимо, варяг, с конем.

Наиболее богато по находкам парное погребение с конем еще в одном кургане. Здесь отчетливо выступают черты воина-всадника. У оседланного коня — удила, стремяна. Мужчину сопровождали топор, копье, скрамасакс, колчан с железной оковкой, наполненный стрелами.

Остатки одежды из византийского шелка с бронзовыми пуговицами, в которую был одет всадник, а также положенная вместе с ним игра, состоящая из стеклянных шашек, свидетельствуют о богатстве погребенного. Рядом с ним была захоронена женщина, видимо рабыня, при ко-

торой найдены лишь ожерелье из стеклянных бус и перстенок из бронзовой проволоки.

Здесь же обычные для дружинных погребений гирьки, гребень, деревянное ведро с железными обручами.

Все эти находки и собственно погребальный обряд позволяют думать, что перед нами захоронения варяжских воинов с конями, а во втором случае и вместе с рабыней.

Чрезвычайно интересна находка биконической ажурной серебряной бусины в одном из погребений Шестовицкого некрополя. На Руси таких украшений известно крайне мало — Ладога, Гнездово, Тимерево, Белоозеро. Это было захоронение молодой женщины. Рядом с ее останками у правого бока, близ пояса, видимо, находилась сумочка, в которой лежало целое ожерелье, состоящее из хрустальной, сердоликовой, трех цветных пастовых и серебряных бус. В состав ожерелья входил также дирхем (восточная монета), превращенный в привеску. Здесь же найдены железный ключик, кос-

тяная трубочка с двумя дырочками посередине — возможно, дудочка или свистулька. Захороненную, кроме этих вещей, сопровождали железный нож с остатками деревянной рукояти, массивное бронзовое кольцо с завязанными концами, к которому, видимо, привешивался нож.

Около изголовья стояло деревянное ведро, окованное железными обручами. В ногах был поставлен глиняный горшок.

При погребении было совершено жертвоприношение — найдено десять раздробленных косточек домашней птицы.

Наиболее ярким и выразительным предметом из этого погребения, безусловно, является серебряная бусина. В Скандинавии такие бусы известны в материковой Швеции (могильник города Бирки), на островах Эланд, Адельзе и Аландских (некрополь Кварибакен). Там они, как и в Ладоге и Тимереве, относятся к первой половине IX в.

Шестовицкая бусина происходит из захоронения второй половины X столетия. Значит, она изготовлена позднее по скандинавским образцам и, следуя старым традициям, предназначалась для скандинавки, вместе с которой и попала в погребение.

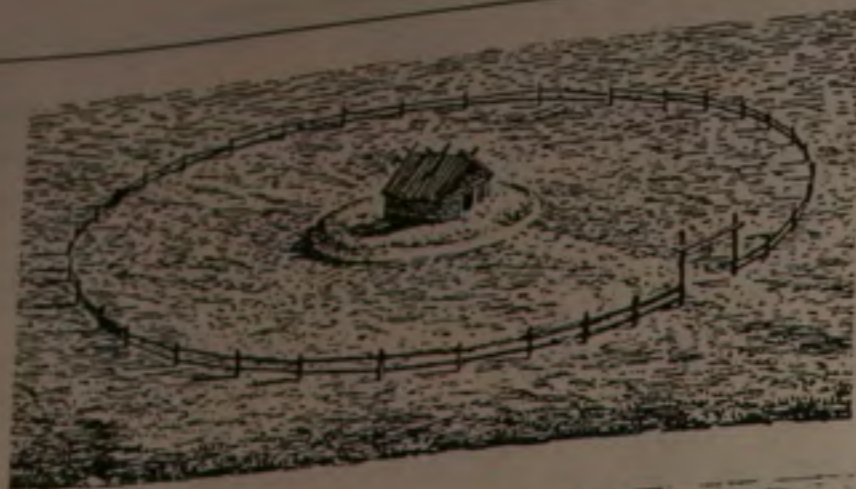
Все вышесказанное позволяет утверждать, что в X столетии в Шестовицах жили воины-варяги вместе со своими женами и были здесь же захоронены. Они, видимо, составляли немаловажную часть местного воинского гарнизона.

Наиболее ожесточенные споры в науке многие годы велись вокруг этнической принадлежности уникальных и богатейших княжеско-дружинных курганов в Чернигове, известных как Черная Могила и Гульбище. Норманисты считали погребенных варягами, а антинорманисты категорически отрицали это, утверждая славянскую принадлежность покойных. И те и другие предлагали свою аргументацию.

Мы остановимся на наиболее ярком из них — кургане Черная Могила. Курган был раскопан в 1872—1873 гг. выдающимся русским археологом Д. Я. Самоквасовым. Реконструкцию процесса создания этой грандиозной усыпальницы блестяще и убедительно выполнил академик Борис Александрович Рыбаков.

«На избранном для погребения месте складывался костер, на котором сжигался покойник и сопровождающая его женщина; вокруг трупов было положено много оружия, украшений, посуды и других бытовых предметов. В ногах покойников клали туши быков, оседланных и взнузданных коней. Когда костер догорал, часть оружия и доспехов изымали с кострища и временно относили куда-то в сторону.

Затем приступали к насыпке кургана, и когда насыпь достигала примерно половины или двух третей высоты предполагаемого кургана, на вершину

Чернигов. Курган Черная могила. Реконструкция

насыпи укладывали снятые с кострища доспехи, дополняли их ритуальными сосудами и через некоторое время по окончании трапезы, совершавшейся вокруг доспехов умершего воина, продолжали досыпку кургана, засыпая при этом и доспехи.

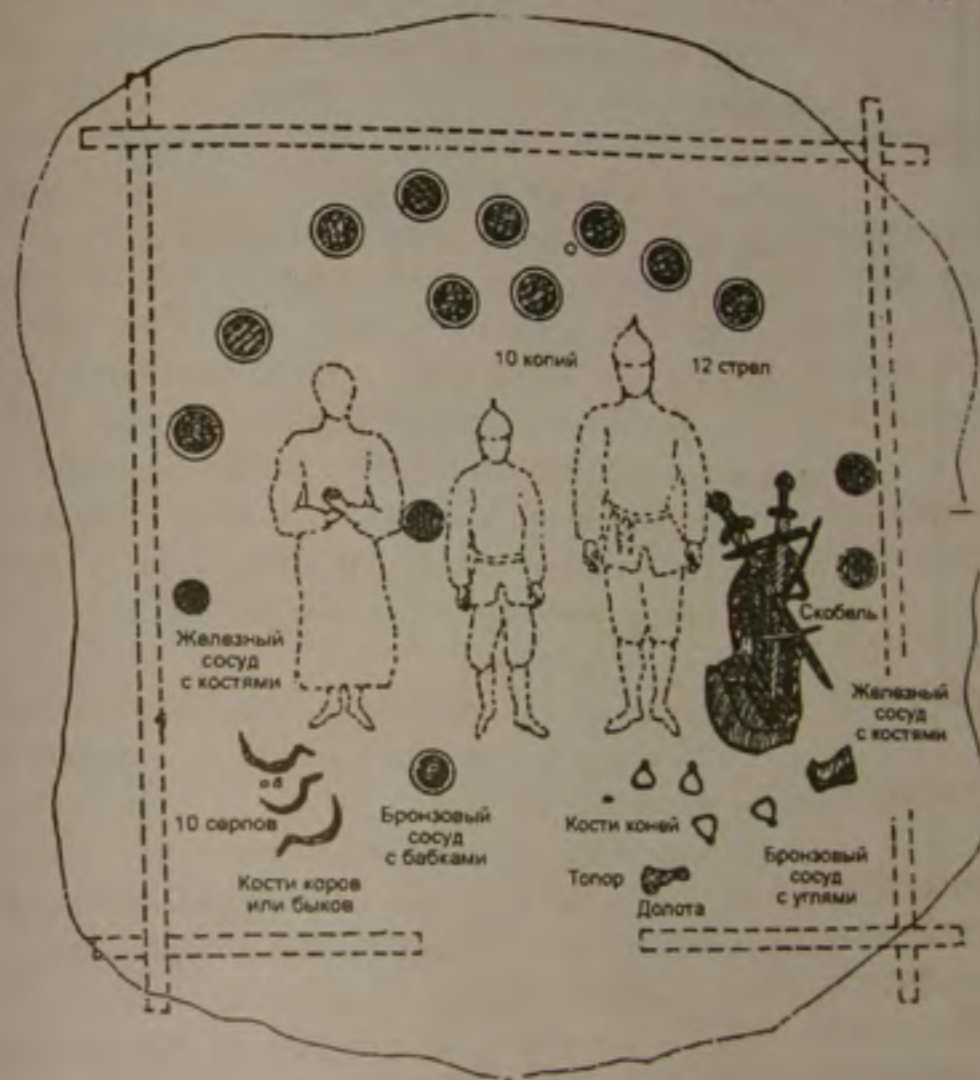
Последним актом погребального обряда было водружение на шине окончательно досыпанного кургана столба с именем покойного. Впослед-

ствии около столба на широкой горизонтальной площадке (около 80 кв. м) производились поминки, так как на вершине находят обломки глиняных горшков и стеклянные браслеты».

По мнению Б. А. Рыбакова, этот обряд чрезвычайно схож с описанием Ахмедом Ибн-Фадланом похорон знатного руса.

Размеры усыпальницы были необычайно масштабны. Окружность основания этого грандиозного кургана достигает 7 м. На площади пятиглавый Спасский собор 1036 г. и две небольшие церквушки типа Ильинской.

Можно говорить о трех покойниках, сожженных на кострище Черной Могилы: воин (князь?) в золоченом шлеме, надетом поверх парчовой шапки, юный воин в небольшом скромном шлеме с набором костей для игры в

Чернигов. Курган Черная могила. Реконструкция погребения

бабки, в ногах, и женщина с однобусинными височными кольцами. Юноша-воин не был рабом или слугой, так как в самом погребальном обряде мы явно ощущаем желание отметить двух равноправных покойников: доспехи обоих воинов украшали курган во время воинских игр — тризны. К ним относятся два шлема, кольчуга, два ножа — скрамасакса и бронзовый божок. Здесь же на вершине кургана находились туры рога для питья, золотые византийские монеты и ритуальный котел с костями и шерстью барана.

В честь обоих умерших пили «в розех» участники «стравы», положив рога рядом с доспехами. Мы можем предположить, что молодой воин был близким родственником старшего воина, а может быть, что и все трое сожженных находились в родственных связях. Северную половину занимал старший воин, южную половину — женщина, а юноша был положен между ними. Покойники занимали центральную часть кострища.

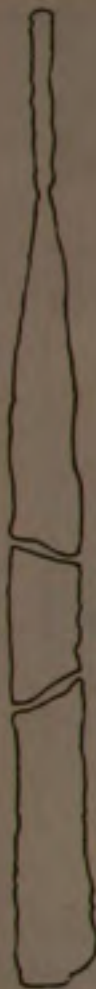
По левую руку от старшего воина находилась груда оружия. Один из мечей располагался у левого бедра покойного; видимо, он был им опоясан. Поверх меча было вонзено в землю копьё, положены еще один меч, сабля, седло со стременами. Здесь же находились обрывки кольчуги. У ног захороненного воина лежал щит с медной оковкой. Около груды оружия находились два сосуда: один из них — железный, с пережженными костями барана, а другой — бронзовая жаровня с углем. У ног были положены два оседланных и взнузданных коня.

С погребением женщины связаны находки десяти серпов и железного сосуда. Здесь же располагались кости быка или коровы и зерна. В ногах юноши находился бронзовый сосуд с бабками.

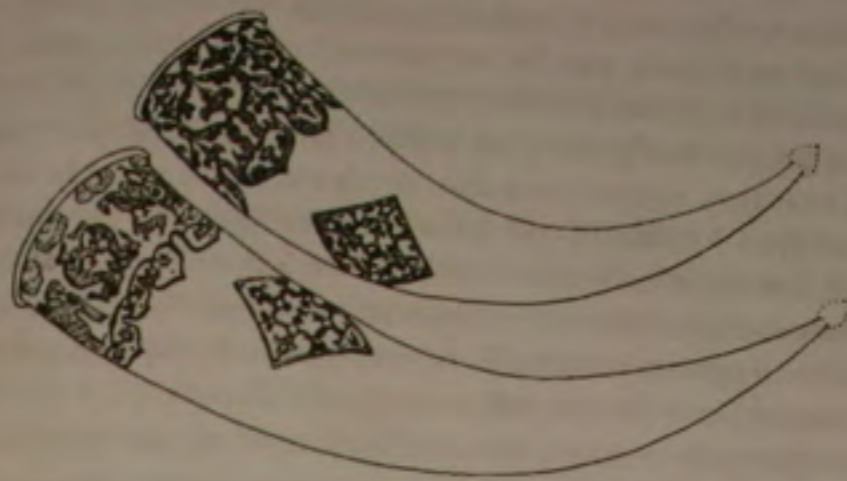
Полукругом от северного к южному краю кострища стояло 12 ведер и 2 железных сосуда. Наполнены они, скорее всего, были медом.

Во всем расположении вещей чувствуется определенный порядок и система. С мужчиной положены предметы вооружения и ратного быта, а с женщиной — орудия сельского хозяйства, злаки и домашняя скотина.

Центральная часть кострища была приведена в беспорядок в то время, когда оттуда вытаскивали обугленные останки мужчины и юноши в кольчугах и шлемах. Здесь найдены украшения, наконечники поясов, золотые, сереб-

Чернигов. Курган
Черная Могила.
Скрамасакс

Чернигов. Курган
Черная Могила. Туры рога

ряные и стеклянные слитки. На кострище обнаружены также ключи, замки, топоры и долота.

По заключениям археологов, покойные вместе с вещами были положены в специальные сооружения — домик мертвых, а не в ладью, как это описано у Ибн-Фадлана. Это, считает Б. А. Рыбаков, говорит о том, что умершие были погребены «у себя дома», а не во временном жилище — ладье.

Однако такой вывод противоречит фактам захоронений в ладьях в самой Скандинавии — тоже у себя дома.

Таким образом, данный довод не может свидетельствовать в пользу местного или иноземного происхождения умерших, тем более говорить об их этнической принадлежности.

Есть более серьезные аргументы. Судя по всем находкам, и особенно по византийским монетам, курган был сооружен в 960-е годы в эпоху князя Святослава.

Шедеврами древнерусского искусства являются два турьих рога, найденных в Черной Могиле.

Оба рога окованы серебром вокруг устья и украшены квадратными накладками в центральной части. Один из них орнаментирован сочным растительным узором явно древнерусского происхождения. На другом представлен фриз, состоящий из фигур различных чудовищ, птиц и людей. Среди них вертикально стоящие драконы с переплетенными хвостами, пожирающие друг друга. По сторонам от драконов симметрично расположены два орла, а под ногами одного из них — две маленькие собаки. Справа от этих

чудищ были изображены волк и петух. Среди огромных чудищ и цветов помещены две маленькие, как бы затерявшиеся, фигурки людей. Их считают то охотниками, то детьми, заблудившимися в лесу.

Левая фигура изображает бородатого мужчину, одетого в длинную рубаху или кольчугу, правая рука протянута вперед, и она как бы ловит что-то. В левой руке — большой лук сложной конструкции. Около охотника, за его спиной, в воздухе две целых стрелы и одна разломанная пополам. Одна стрела ромбовидная, другая — двурогий «срезень», предназначенная для охоты на птиц и пушного зверя. Такие наконечники хорошо известны в русских древностях, есть они и в той же Черной Могиле.

Первая фигура — женская, с колчаном у пояса, держит лук в левой руке, а правая рука согнута так, будто только что спустила тетиву. У этой фигурки длинные косы, спускающиеся от виска к бедру. Судя по косам, здесь изображена девушка.

Б. А. Рыбаков так истолковывает эту композицию: «охотники стреляют в хищную птицу, но ни в птице, ни около нее стрел нет, они как бы возвращаются обратно к охотникам и изображены за их спинами, летящими в обратном направлении в беспорядке, оперением вперед и частично поломанные. Протянутая рука левого охотника, может быть, ловит эти возвращающиеся стрелы. Все это напоминает сказочные сюжеты о заколдованной птице и возвращающихся стрелах. В русских сказках и былинах мы найдем много эпизодов, героями которых являются птица (вещая), мужчина и девушка.

Часто мужчина освобождает девушку (или лебедь) от когтей хищного коршуна — колдуна».

Все изложенное выше позволяет думать, что в Черной Могиле нашел свое упокоение один из черниговских князей. Какие драматические события привели к тому, что вместе с ним был захоронен и молодой воин, мы не знаем и, думаю, никогда определенно не установим. Ясно, что умерший был русским князем, скорее всего славянином, а не варягом, ибо здесь нет никаких скандинавских культовых предметов, например гривен с молоточками Тора. Наряд женщины, видимо, также был славянским, а не скандинавским — нет обычных для северного костюма фибул-застежек.

Однако определенные северные элементы все же можно проследить в обряде погребения — захоронение наложницы, коня, принесение в жертву барана с помощью ритуального ножа и помещение его в котел. Все это говорит в пользу того, что скандинавские элементы духовной культуры проникали в среду славянского населения Киевской Руси и ее высшей знати.

Варяги в Киеве

В столице Древней Руси Киеве на ранних этапах его истории также наблюдаем следы некоторого присутствия пришельцев «из-за моря» — варягов.

Здесь налицо существенные отличия от ситуации в Ладоге, Рюриковом городище и Гнездове. В Киеве и в земле полян вообще вплоть до конца IX столетия археологически никак не прослеживаются признаков присутствия варягов. Это может объясняться двумя причинами: во-первых, варяги, попадавшие в Среднее Поднепровье, приходили сюда не прямо из Скандинавии, а с территории Верхней Руси, уже утратив практически все свои характерные черты. И во-вторых, они были в Киеве временными обитателями, к в промежуточном пункте пути «из варяг в греки» или в роли участников краткосрочных военных мероприятий русских князей. Поэтому они не могли оставить существенных археологических следов в виде серийных находок типичных скандинавских вещей или амулетов, а также характерных погребений.

Обратимся, однако, к начальной русской летописи «Повести временных лет». Сообщая о ранней истории восточных славян, летописец достаточно много внимания уделяет истории возникновения их главного города — Киева.

«Подем же жившем особе и владеющим роды своими, иже и до сее братья бяху поляне, и живяху кожде с своим родом и на своих местех, владеюще каждо родом своим. И быша 3 братья: единому имя Кий, а другому Щек, а третьему Хорив, и сестра их Лыбедь. Седяше Кий на горе, где же ныне увоз Беричев, а Щек седяще на горе, где же ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, от него же прозвася Хоревица. И створиша град во имя брата своего старейшего, и нарекоша имя ему Киев».

Из этого летописного рассказа, подтвержденного данными археологических раскопок, следует, что на месте будущего древнерусского города Киева существовало три родовых поселка-городища, расположенных на Киевских горах. Жили в них представители славянского племени полян, имевшего в то время общинное устройство. В результате слияния этих поселков, происшедшего на основе объединения родовых групп, появился город Киев. Происходило это в VII—VIII вв. Именно тогда сформировалось полянское княжество как начальное ядро Киевской Руси. Следующий период приходится уже на IX столетие, связан он с призыванием на Русь варягов и появлением в Новгороде Рюрика «с роды своими».

«И бяста у него 2 мужа, по племени его, но боярина, и та испроситася ко Царюгороду с родом своим. И поидоста по Днепру, и идуче мимо и узреста сути 3 братья, Кий, Щек и Хорив, иже сделаша градокошь и изгибошо, и мы седим род их платяче дань козарам». Аскольд же и Дир остава в граде семь, и много варяги съвокуписта, и начаста владети польскою (полянской) землею. Рюрику же княжишу в Новгороде».

Это сообщение летописи крайне противоречиво, равно и небесспорны сами личности Аскольда и Дири, которых одни ученые, строго следуя летописному рассказу, считают норманнами, а другие — представителями местной славянской княжеской династии.

До сих пор этот вопрос в исторической науке не нашел убедительного решения. Можно только отметить, что археологические данные не подтверждают тезиса летописца, согласно которому в Киеве в 60-х годах IX в. оседают и многие варяги. Несмотря на достаточно хорошую изученность древнейшего Киева, следов активного и массового варяжского присутствия так до сих пор не обнаружено.

Начало третьего, окончательного этапа в слиянии всей Руси — и Северной и Южной — в одно древнерусское государство с центром в Киеве, связано с именем Олега.

Летописец подробно, эмоционально и увлекательно описывает эпизод, связанный с княжением Олега в Киеве. «В лето 6390 (882 г.). Поиде Олег, вся многи, варягы, чудь, словени, мерю, весь, кривичи, и приде к Смоленску с кривичи, и прия град, и посади мужь свои, оттуда поиде вниз и взя Любець, и посади мужь свои. И придоста к горам к киевским, и уведа Олег, яко Оскольд и Дир княжита, и похорони вои в лодьях, а другие назади остави, а сам приде, нося Игоря детьека. И припау под Угорьское, похоронив вси своя, и присела ко Аскольду и Дирови, глаголя, яко "Гость есмь, и идем в Греки от Олга и от Игоря княжича. Да придета к нам родом своим". Аскольд же и Дир придоста, и выскакаша вси прочии из лодья, и рече Олег Аскольду и Дирови: "Вы неста князя, ни рода княжа, но аз есмь роду княжа", и вынесоша Игоря: "А се есть сын Рюриков". И убиша Аскольда и Дири, и несоса на гору, погребоша и на горе, еже ся ныне зоветь Угорьское... И седе Олег княжа в Киеве, и рече Олег: "Се буди мати градом руським". И беша у него варязи и словени и прочи прозвашася русью».

Из этого воистину детективного рассказа следует, что в 882 г. Олег, который был родичем Рюрика и после смерти последнего получил от него княжение с центром в Ладоге или скорее всего в Новгороде, прибыл с дружиной на Киевские горы. Они представившись купцом, следующим с торго-

вым караваном в Византию, спрятал своих викингов, обманом заманил в ловушку Аскольда и Дири, убил их и захватил власть в Киеве. Так не только произошел дворцовый переворот в Киеве и смена правящей династии, но этот город объединил Северную и Южную Русь и стал столицей обширного объединенного Древнерусского государства. Его основу составили славяне — поляне киевские, словене новгородские, кривичи смоленские, другие соседние неславянские племена (прежде всего финно-угры и балты). Ударной же вооруженной силой этого исторического события стали прежде всего наемные воины — варяги. Расплатой за эту службу стало установление определенной дани варягам: «И устави варягом дань даяти от Новгорода гривен 300 на лето, мира деля, еже до смерти Ярославе даяше варягам». То есть до кончины великого князя киевского Ярослава Мудрого, последовавшей в 1054 г.

Анализ киевских событий, нашедших свое отражение в летописи, позволяет прийти к выводам, широко принятым сейчас в исторической науке, согласно которым образование Древнерусского государства произошло в среде восточно-славянских племен и было закономерным итогом социально-экономического, культурного и политического развития славянского общества. А варяги сыграли в этом процессе роль своеобразного исторического ускорителя-катализатора — движущей силы, иногда и решающей, оставив тем самым свой след в русской истории. И пришли они в высоко развитую по тем временам «Гардарику» — страну городов — Русь.

Начальная история «матери городов русских» — Киева убедительно подтверждает это положение. В его пользу говорят не только письменные источники, но археологические данные.

Важнейшим историко-археологическим источником для восстановления ранней истории Киева является его некрополь. В его составе около полутора ста погребений IX—X вв. Наиболее яркими являются богатые захоронения в деревянных срубах — камерах. Именно их и пытались приписывать скандинавам на основании того, что в некоторых из них встречены отдельные вещи европейского и скандинавского происхождения. Это костяные острия с головами зверей, фризский костяной односторонний гребень в футляре, весы, гирьки, игральные шашки, бляшки и наконечники поясов северных типов и другие вещи.

К группе погребений знатных дружинников относится захоронение, напоминающее по обряду и набору находок скандинавские. Вместе с покойным был захоронен его конь. А среди вещей были меч, боевой топор, кинжал, серебряные поясные бляшки, стремяна, удила, стеклянные игральные шашки, игральная кость, восточные монеты. Несомненно скандинавской

является большая серебряная кольцевидная фибула, украшенная рельефными головками птиц.

Одно из погребений, находящихся в основной части киевского некрополя на территории города Ярославля, было совершено в деревянной камере, поставленной на вбитые в землю заостренные столбы. Это было парное захоронение. Мужчине принадлежал меч, колчан со стрелами, бронзовые пуговицы. Это погребение признают достоверно скандинавским — одним из захоронений киевской дружинной знати и считают, что оно «вполне могло принадлежать одному из наемников князя Владимира, осевших в русской столице на рубеже X—XI вв.

К этой же группе можно отнести еще одно интереснейшее захоронение, совершенное в срубе, парное (мужчина и женщина), в сопровождении коня. Здесь найден франкский меч и скандинавская орнаментированная кольцевидная фибула с длинной иглой.

Наиболее острые дискуссии вызвала находка захоронения подростка, совершенного в камере — срубе. Его сопровождали многочисленные находки — два серебряных дирхема, на одном из которых — привеске — было процарапано граффити в виде креста с тремя перекладинами; серебряная крестообразная накладка; два деревянных ведерка; набор бараньих астрагалов для игры; костяной гребень; свистулька; миниатюрный железный топорик; ножичек с костяной рукояткой, бронзовая подковообразная пряжка; две маленькие серебряные пуговицы с ушками; бронзовое коромысло от миниатюрных весов; два миниатюрных оселка; три кабаньих клыка с просверленными отверстиями — амулеты и другие вещи.

Первооткрыватели этого захоронения благодаря многочисленному и богатому инвентарю определили его как «погребение дитяти богатого варяга», а на основании находок серебряной крестовидной накладки и дирхема с процарапанным крестом признали христианским.

Такая версия является вполне правдоподобной.

В женских погребениях Киевского некрополя известны скандинавские черепаховидные фибулы. В двух случаях они встречены парами у плечевых костей скелетов. Происходят они из богатых захоронений знатных киевских женщин и являются традиционной деталью типично скандинавской женской одежды.

Детально вопросы определения роли и значения скандинавских элементов в Киеве рассмотрены в фундаментальной книге профессора Михаила Константиновича Каргера.

Его заключения сводились к следующему: «В составе погребального инвентаря киевского некрополя нельзя не заметить ряд вещей несомненно скандинавского происхождения. К их числу относятся прежде всего скорлупообразные фибулы... Кроме фибул из упомянутых двух погребений известны также случайные находки их на территории города. Три скорлупообразные фибулы найдены на территории Владимирова города... Все фибулы относятся к X в.

К кругу привозных ювелирных изделий северного происхождения несомненно относятся две кольцевые фибулы с длинной иглой, одна из которых найдена в срубном погребении дружинника с рабыней и конем... вторая тоже происходит из погребения дружинника с рабыней и конем...

Обе эти фибулы принадлежат к типу сравнительно редких находок... К тому же кругу скандинавского импорта следует отнести две круглых серебряных фибулы, украшенных филигранью и зернью... К числу вещей скандинавского проис-

Киев. Камерная гробница. Парное погребение

Киев. Кольцевидная фибула с длинной иглой

хождение относится фибула, найденная в городском слое Киева. Она представляла собой медную подковообразную фибулу с отвороченными вверх кольцами в виде рогов лося... Среди вещей несомненно следует упомянуть великолепную бронзовую позолоченную фибулу с длинной иглой».

М. К. Каргер справедливо не принимает точку зрения ряда ученых, согласно которой некрополь у Десятинной церкви в Киеве, где и обнаружены самые богатые погребения, объявляется варяжско-христианским. Но невозможно согласиться с его следующим тезисом: «Исчерпывающе охарактеризованные выше находки отдельных вещей скандинавского происхождения в Киеве наряду с характерным славянским обликом всех основных элементов погребального обряда и многочисленного разнообразного инвентаря, убедительно свидетельствуют о ничтожной роли скандинавского влияния в сложении культуры Киевской Руси». Эти строки были написаны в 1958 г. и были явно обусловлены политической конъюнктурой.

Факты говорят совсем о другом. Согласно письменным и археологическим источникам, варяги в Киеве были на одном из важнейших этапов истории Древней Руси, когда складывалась древнерусская государственность. Они были заметной и весьма весомой силой в протекавших тогда на русской равнине исторических процессах.

Это утверждение не означает признания позиций норманистов, согласно которым именно варяги создали государство на Руси, но и не согласуется с выводами антинорманистов, вообще отрицающий всякое участие варягов, кроме торговли, в начальной истории Древней Руси. Не было завоевания варягами огромных пространств Руси, не было основания ими городов и создания нового цивилизованного — в соответствии с тем временем — общества, не было и массового расселения в русских землях, не было их присутствия и участия в разных формах — торговых, военных, культурных, в жизни Руси — Гардарики.

Самой южной точкой на пути «из варяг в греки», где зафиксированы следы пребывания варягов, является остров Березань, расположенный в устье Днепра. Здесь найден рунический камень, в древности, видимо, стоявший на одном из курганов. На камне высечена надпись: «Грани сделал этот холм по Карлу своему сотоварищу».

Памятник был воздвигнут неким Грани в честь человека по имени Карл, вместе с которым они совершали плавание, вероятно, в Византию или назад, домой в Скандинавию. В противном случае они вряд ли могли оказаться на острове — последней речной стоянке перед выходом в Черное море.

Судя по имени, Грани и Карл могли быть жителями острова Готланд, расположенного у берегов материковой Швеции. Камень был воздвигнут в XI в. на завершающем этапе активного участия скандинавов в древнерусской истории.

Варяги на Волге

IX столетия, когда начинается широкое освоение славянами Залесского края, Волжская водная система играет основополагающую роль в движении больших масс населения. Крупные славянские центры — будущие феодальные города возникают на Волжском пути. В период раннего средневековья Балтийско-Волжский путь становится трансевропейской артерией — путем «из варяг в арабы». Он связывает Русь со Скандинавией, Балтикой, Северной и Средней Европой, Булгаром, Хазарией, странами арабского мира. Древние и относительно молодые города Суздальщины снискали себе славу крупных торгово-ремесленных, политических, культурных и религиозных центров — Ростов Великий, Белоозеро (упомянутые в летописи среди первых русских городов в связи с призванием варягов), Ярославль, Углич, Владимир, Суздаль, Переяславль-Залесский и многие другие были хорошо известны как на Руси, так и за ее пределами.

Первым районом на пути по Волжской системе из Скандинавии был Белозерский край. Долговременное присутствие или кратковременное пребывание варягов в этой области зафиксированы немногочисленными находками на поселении Городище. Здесь среди прочих найдены многочисленные иноземные изделия — фризские костяные гребни, иглы от скандинавских фибул, литой ажурный наконечник ножен меча из бронзы, явно имеющий северное происхождение, весы, гири, восточные монеты. Считают, что на Городище могла быть кратковременная стоянка купцов-воинов.

Новые находки северного происхождения обнаружены еще на одном поселении в Белоозере. В их число входят прежде всего амулеты — молоточки Тора с петлей, серебряное проволочное кольцо с Девятью серебряными стерженьками (вариант изображения молоточков Тора). Археологи считают, что белоозерские амулеты относятся к числу немногих находок, документирующих присутствие выходцев из Скандинавии на рядовых сельских поселениях Северной Руси. В самом деле амулеты — молоточки Тора попадали на Русь не посредством торговли, а только вместе с их владельцами варягами — купцами-воинами.

Многочисленные скандинавские захоронения с типичными северными вещами и отдельные находки происходят из ярославских некрополей — Тимеревского, Михайловского и Петровского курганных могильников.

В Тимереве был найден клад восточных монет-дирхемов, примечательный тем, что это самый большой из известных кладов восточных серебряных монет (около 3 тысяч экземпляров), зарытый в землю во второй половине IX столетия, т. е. во время летописного «призвания» варягов на Русь. О том, что он имеет какое-то отношение к варягам, говорят находки четырех монет с граффити с отдельными буквами и надписью, выполненной скандинавскими рунами. Это благоприятные и неблагоприятные руны «S» и «N», которые означают «урожай — недород, здоровье, богатство — несчастье, болезни». Руническая надпись дает определенные основания для предположений о причинах зарытия Тимеревского клада. Она прочитана как «Бог» или «Боги». Такое заключение дает возможность предполагать, что данная монета могла входить в состав культового клада, зарытого в землю в качестве приношения богам. Клад мог быть сокрыт скандинавом, знающим руны. Но это только гипотеза, к сожалению, не поддающаяся проверке.

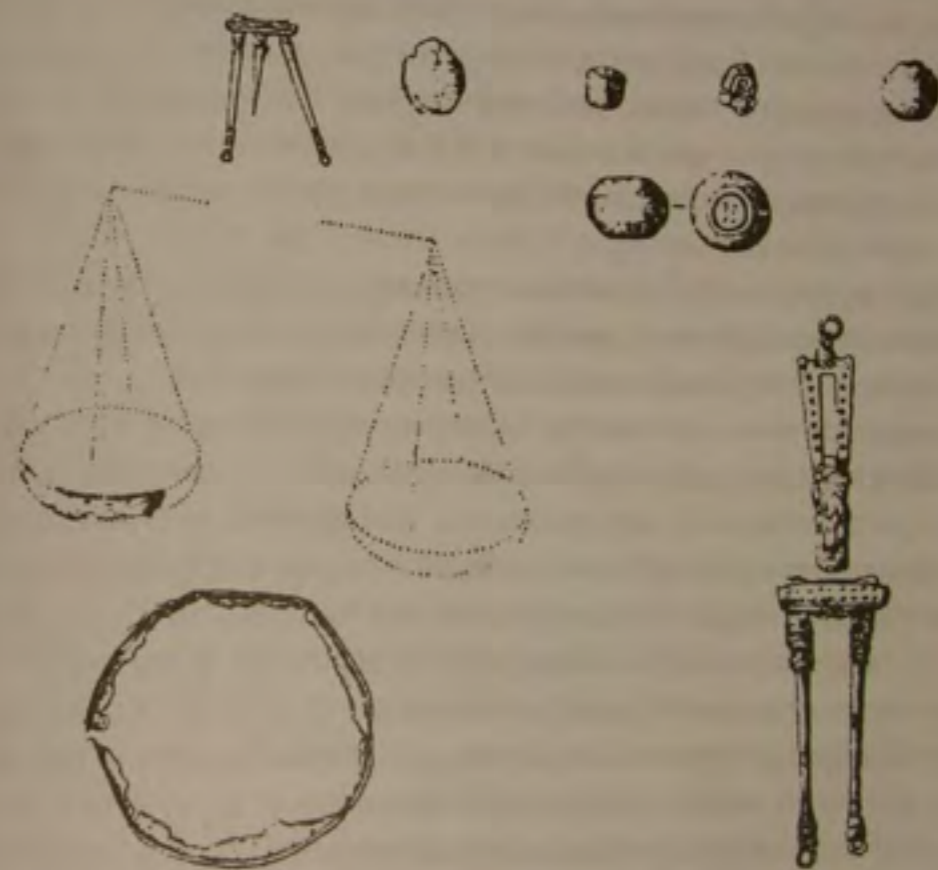
Причины зарытия кладов у народов Северной Европы, в том числе у скандинавов и славян, в эпоху раннего средневековья разнообразны и не имеют однозначных решений. Сокровища могли попадать в землю в случае военной опасности, как определенное богатство. Однако и у скандинавов, и у славян восточное серебро, а именно оно в основном в виде монет входит в клад, не было в полной мере мерилем экономического благосостояния, своеобразным «капиталом» эпохи средневековья. Его использовали как сырье для изготовления украшений, сами монеты носились в виде подвесок-амулетов, из серебра изготавливались языческие молоточки Тора и раннехристианские крестики. Все это вместе с владельцами попадало в погребения.

Скандинавы считали необходимым являться в загробный мир к богу Одину с сокровищами. В «Саге об Инглингах» говорится: «Фрейр, и когда ему стало совсем плохо, люди стали совещаться и никого не пускали к нему. Они насыпали большой курган и сделали в нем дверь и три окна. А когда Фрейр умер, они тайно перенесли его в курган... Все подати они ссыпали в курган, в одно окно — золото, в другое — серебро, а в третье — медные деньги. И благоденствие и мир сохранились». Из этого примера ясно, какое значение придавалось спрятанным богатствам: они не просто сопровождали покойника в мир иной, а являлись жертвованим богам с целью обеспечения мирной и спокойной жизни живущим. В таких случаях серебряные монеты не использовались в качестве средства внутреннего обмена. Строго говоря, деньгами для их владельцев — славян и скандинавов — они не являлись. При расчетах дирхемы (восточные серебряные монеты) шли на вес, а поэтому среди них много разрезанных на половинки, четвертинки

и более мелкие части. Для взвешивания использовались чашечные весы и гирьки, находки которых характерны для погребений воинов или купцов как варягов, так и славян. А в эпоху средневековья понятия воин и торговец были неразделимы, и один и тот же человек, как правило, совмещал эти оба занятия.

Что же касается Тимеревского клада, то скорее именно таким человеком — воином-купцом и, вероятнее всего, варягом он и был захоронен в землю. Маловероятно, что его владельцем мог быть ремесленник. В постройках, являвшихся ювелирными мастерскими, где использовалось серебро, мы находим либо незначительное количество — просто единичные их экземпляры, либо уже готовые изделия — украшения или амулеты, либо бракованные их образцы, либо маленькие слитки серебра.

Для Ярославского Поволжья, о котором идет речь, связи со Скандинавией имели большое значение, и они органично вписывались в общую систему торговых контактов Древней Руси. Наиболее ярко это прослежено на материалах Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников.

Тимерево. Михайловское. Торговый инвентарь

Начнем с Тимеревского археологического комплекса, где скандинавские материалы представлены во всех имеющихся категориях древностей — погребения в могильнике, типы построек и находки на поселении, элементы норманнской культуры в кладе из куфических монет. Один из пер-вых исследователей Ярославских некрополей — историк, археолог, реставратор Илларион Александрович Тихомиров указывал, что основная масса погребений Тимеревского и Михайловского могильников под Ярославлем принадлежит варягам, да и сама курганная традиция принесена в Ярославское Поволжье норманнами. Исконно варяжским считал Волжский путь, а олог Туре Арне, для подтверждения своих взглядов специально даже приехавший в Россию в 1914 г. и раскопавший в Михайловском могильнике несколько курганов.

Другие ученые считали, что Тимеревское поселение под Ярославлем было славянским, но внутри него существовала скандинавская колония, и даже конкретно — основанная выходцами из Норвегии.

В результате работ московских и ленинградских археологов в 30—60-х годах нашего столетия была выработана позиция, согласно которой «ничтожное число скандинавских погребений данного (Тимеревского) некрополя свидетельствует о том, что осевшие в X в. в Ярославском Поволжье незначительные группы норманнов в XI в., по-видимому, уже ассимилировались местным населением».

Особой группой в Тимеревском могильнике являются курганы с кольцевидными каменными выкладками из валунов, которые окружали перенесенные со стороны остатки покойных и сопровождающих их вещей. Иногда через эти захоронения проходили перекрещивающие друг друга линии из валунов. Ни у кого из археологов не вызвала сомнений скандинавская этническая принадлежность захороненных под такими курганами. Для них также характерно наличие лепных сосудов и костей жертвенных животных. Встречены также скандинавские черепаховидные фибулы IX в., равноплечная фибула, костяные гребни, фрагменты ларчиков и поясов. К ранним достоверно скандинавским погребениям следует отнести захоронение, совершенное по обряду трупосожжения на месте сооружения кургана, раскопанное под руководством автора данной книги. Этот курган получил номер 95. Основную часть вещей, найденных на кострище, составили женские украшения. Это прежде всего ожерелье, состоящее из пятидесяти сохранившихся в огне хрустальных, сердоликовых, разноцветных пастовых и серебряных бус. Видимо, на самом деле их было значительно больше.

Наиболее важна находка двух серебряных ажурных биконических бус, изготовленных из рубчатой проволоки. Аналогичные украшения широко распространены в Скандинавии и в единичных экземплярах встречены в курганах в урочище Плакун в Ладобе и в Шестовицком могильнике близ Чернигова, о которых шла речь выше.

Несомненно норманнское происхождение этих редких для Руси, но частых для Скандинавии женских украшений.

Кроме них в захоронении найдены и другие северные вещи — костяной составной односторонний гребень, украшенный орнаментом в виде плетенки и меандра; фрагмент бронзовой скорлупообразной фибулы-застежки, оковки ларчика, бронзовые шпеньки и накладки от пояса, пуговицы, бубенчик. Здесь находились три восточные монеты, чеканенные в VIII в.

На кострище кроме пережженных костей женщины 40 лет и ребенка до 2 лет находились и остатки жертвенных животных и птиц. Рядом с ним располагалась каменная вымостка, повторяющая формой ладью.

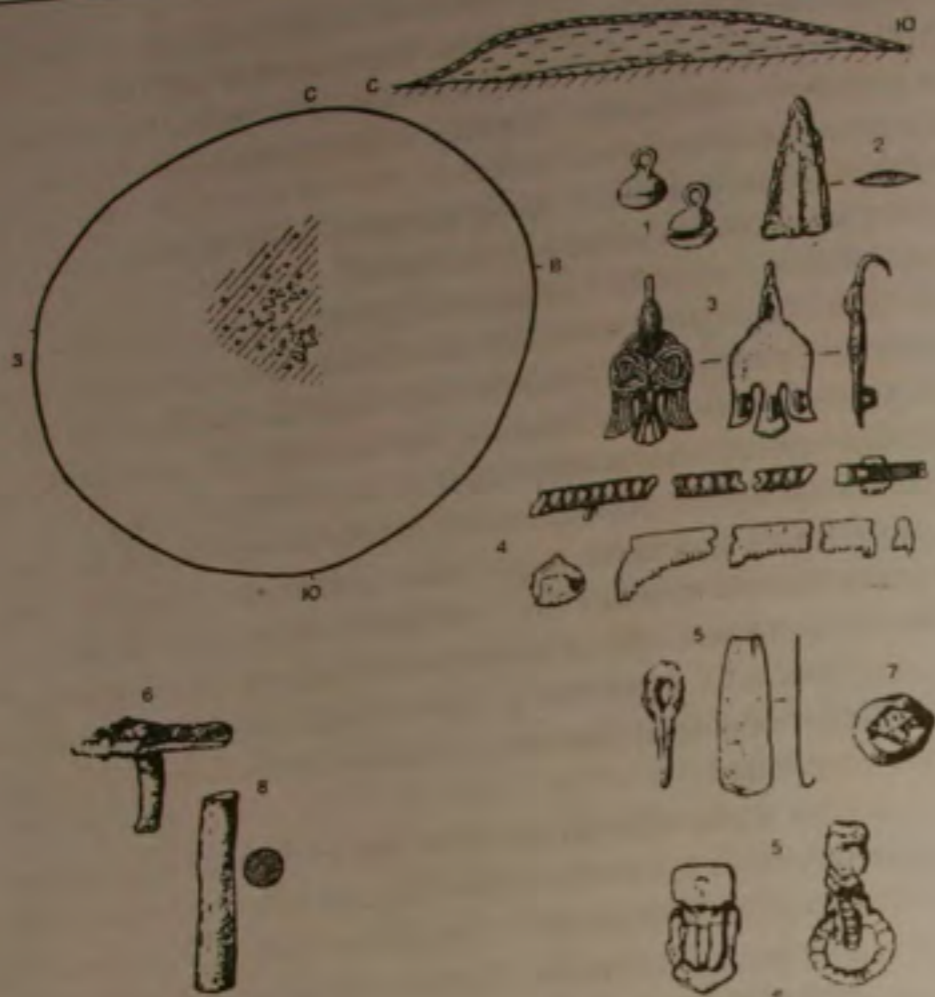
Все находки, а также обряд захоронения говорят в пользу того, что курган был сооружен в IX столетии и под ним была захоронена норманнская женщина. Таким образом, данная усыпальница относится к летописным рюриковым временам.

В X в., когда происходило массовое расселение славян в Волго-Окском междуречье, участниками которого были и варяги, количество норманнских захоронений в Тимеревском некрополе значительно увеличивается. Они характеризуются находками костей жертвенных баранов, обрядовой лепешки, выполненной из глины, застежек от обуви в форме птичек, наборов скандинавских фибул, железных шейных гривен из дрота четырехгранного сечения, к которым обычно привешивались амулеты в виде молоточков Тора, ладейных заклепок, гребней с орнаментом в виде плетенки, стрел ланцетовидной формы... Это обычный набор вещей, характерный для погребений X в. в Скандинавии.

Рассмотрим лишь некоторые наиболее интересные скандинавские курганы Тимеревского могильника, насыпанные в X столетии.

В 1976 г. во время обследования миноискателем территории, непосредственно примыкающей к могильнику, был найден сначала меч, а потом в процессе раскопок открыто и погребение с вещами, совершенное по обряду трупосожжения и принадлежащее мужчине 30—40 лет.

Меч, на клинке которого выявлено клеймо известной рейнской мастерской «ULFBERHT», был изготовлен во второй половине X столетия. Покойный был сожжен на кострище, и часть его костей вместе с вещами была собрана в глиняный горшок-урну. После сожжения сохранились лишь неко-

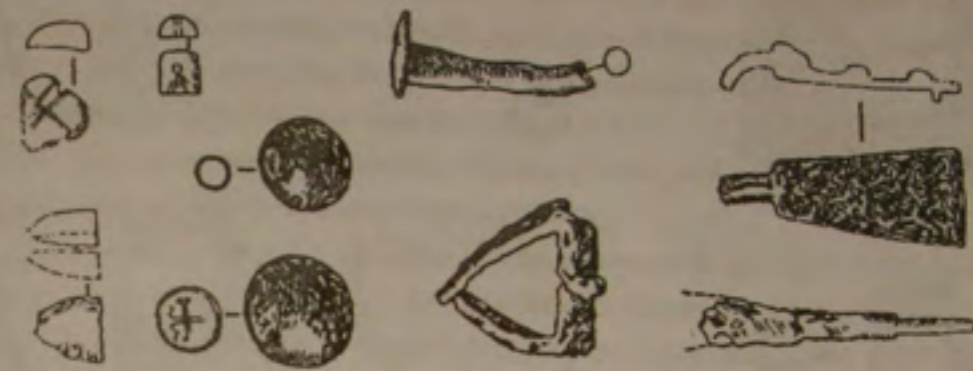

Тимерево. Скандинавский курган

торые вещи — накладки костяного орнаментированного гребня, железный ледоходный шип, ладейная заклепка, ланцетовидный наконечник стрелы, две биконические гирьки со знаками кратности и трапециевидная бронзовая пластина. Она украшена масками фантастических зверей, их тела в виде лент переплетены — это северный сюжет пожирающих друг друга чудовищ. Данная вещь могла быть частью портупей для ношения меча, вместе с которым она и была найдена. Все это говорит в пользу того, что захороненный воин был варягом.

Ценнейшую информацию о скандинавских погребениях в Тимерево X в. дают курганы, под которыми находились деревянные камерные гробницы с покойниками. Авторы раскопок отмечают, что эти усыпальницы отличаются от «обычных курганов с трупосожжениями и относятся к дру-

жинным захоронениям». И особенно эффектен среди них курган № 100, где найдено парное захоронение (мужское и женское), совершенное по обряду трупосожжения в деревянной камере. Вместе с покойными были погребены два коня. К женскому захоронению относятся славянские серебряные проволочные височные кольца с завязанными концами, оправленная серебром

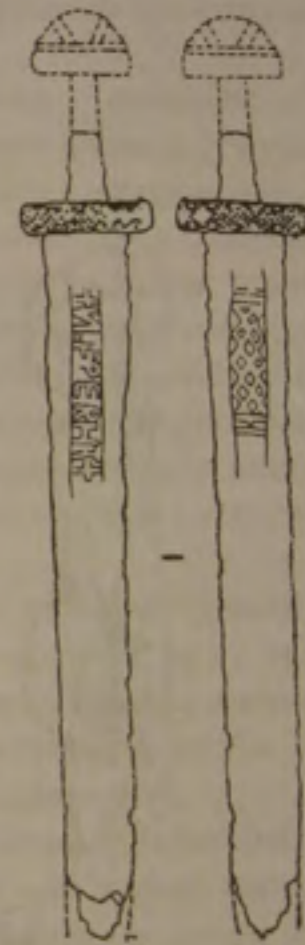

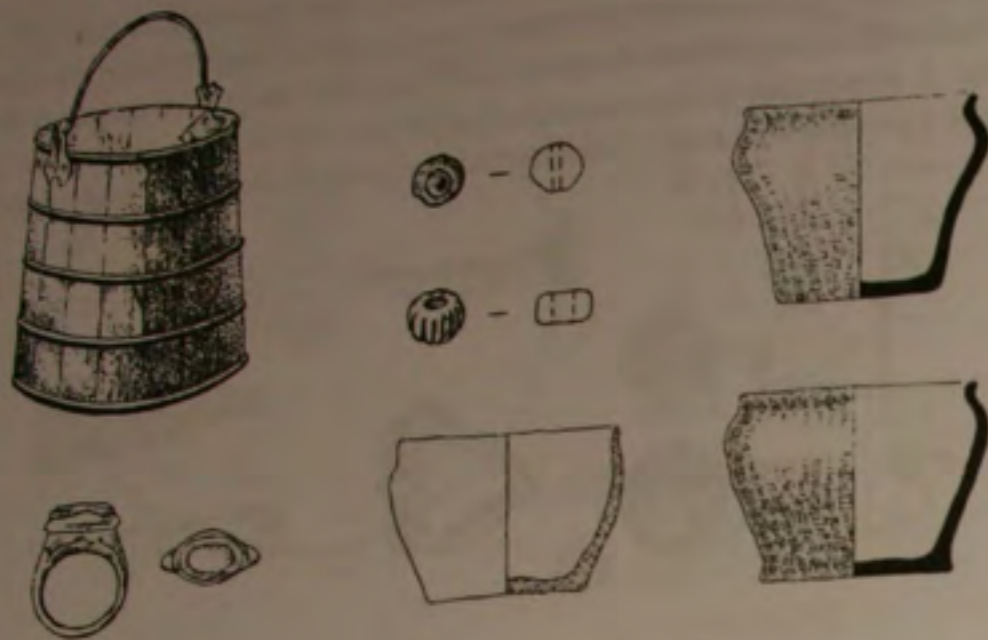
каменная вставка от перстня, стеклянные бусы и бисер крупного размера. Мужчину сопровождал богатый набор вещей: меч с клеймом на клинке в виде латинской буквы «С»; наконечники копья и двух стрел, железная петля и оковка днища колчана, детали железного уздечного набора, стремяна, удила с псалями, железная рукоять кнутовища, массивный золотой перстень с орнаментом в виде точек, весы в кожаном футляре с двумя чашечками и арабскими надписями на них, гирька, кожаный кошелек с семью серебряными восточными монетами.

Над этим погребением была сожжена ладья — от нее сохранились железные заклепки и болты.

Этот курган сравнивается с аналогичными погребениями в Дании и отмечается, что «покойники, захороненные здесь, принадлежали к социальной верхушке общества».

Да, судя по обряду и сопровождающим вещам, мужчина был варягом — воином и одновременно торговцем. А вот женщина, судя по бедности захоронения, скорее всего являлась рабыней или наложницей и имела славянское происхождение.

Тимерево.
Вещи из скандинавского кургана

Еще один курган с захоронениями в погребальной камере был исследован недавно экспедицией Петербургского университета. В камере находились два погребения — женщины 30–45 лет и девочки 11–13 лет. Первое из них сопровождали следующие находки: золотое шитье от одежды, серебряная подковообразная фибула, костяной игольник с набором железных игл на цепочке из серебряных и бронзовых звеньев, пружинные ножницы, нож с деревянной рукоятью, обмотанной серебряной проволокой, бусы, два вылепленных вручную горшка. Во втором погребении найдены две скорлупообразные фибулы, дирхем-привеска чеканки 804–805 гг., бусы, серебряный перстень с сердоликовой вставкой. Рядом с камерой обнаружена ладьевидная вымостка и доски от ладьи с заклепками.

Обряд и набор вещей, а также сравнительный анализ этого захоронения с другими комплексами северного происхождения здесь в Тимеревском могильнике и аналогичными материалами из Скандинавии позволяют полагать, что это погребение совершено по норманнскому ритуалу и покойницы были, скорее всего, варяжской принадлежности или женой и дочерью пришельца из-за моря.

Когда-то один из ведущих московских археологов — исследователей древностей Ярославского Поволжья Майя Васильевна Фехнер утверждала, что «среди скандинавских погребений нет ни одного захоронения, которое можно было бы отнести к дружинным. Большинство их отличается бедностью инвентаря». Результаты ее же более поздних раскопок опровергают этот тезис. А факты говорят в пользу вероятности, что в этих камерных гробницах в Тимереве захоронены представители дружинного слоя скандинавского происхождения вместе со своими женами или рабынями и боевыми конями. Иногда встречаются и отдельные захоронения женщин-скандинавок и детей. Эти воины-купцы оказывались на Руси с торговыми караванами или были на военной службе.

Новым источником по норманнской проблеме стали материалы Тимеревского поселения. Северные традиции зафиксированы здесь прежде всего в домостроительстве. В Тимереве найдены сооружения с длинными канавообразными выходами и постройка в виде амбара на столбе. Такие традиции домостроительства уходят корнями в Скандинавию.

Среди глиняной посуды есть образцы, изготовленные в северных традициях. Это прежде всего лепные сосуды с загнутым внутрь венчиком. Кроме того, на поселении обнаружен ряд вещей, имеющих северное происхождение или, возможно, выполненных по таким образцам. Это несколько костяных гребней с орнаментом в виде плетенки и меандра, иглы от скорлупообразных фибул, серебряная подвеска с изображением символа

Тимерево. Находки из камерного захоронения

Тимерево. Набор вещей из скандинавского кургана

солнца — сегнерова колеса, аналогии которым известны в кладах Готланда и Швеции, бронзовый перстень с изображением на щитке сокола или ворона, стилистически восходящим к северным сюжетам, фрагмент бронзовой позолоченной фибулы со звериной маской, бронзовая деталь упряжи или портупей для ношения меча с масками зверей, редчайшая бронзовая ажурная подвеска, видимо, изготовленная где-то в Скандинавии, и другие находки.

В настоящее время в Тимереве известно до тридцати скандинавских погребальных комплексов, этническую принадлежность которых можно определить с большой долей вероятности, что составляет 5% от общего количества раскопанных курганов, сооруженных за два столетия с начала IX в. до начала XI в. Однако это количество не отражало реальное число бывавших здесь варягов, для многих из которых пребывание в Тимереве было

временным. Кроме того, под частью курганов могли быть погребены жены скандинавов, сами имевшие иное этническое происхождение. Не следует также забывать и о своеобразной общей североευропейской моде среди определенного слоя населения (дружинников, торговцев), которая не могла не коснуться и погребального ритуала.

Скандинавские материалы выявлены и в двух Ярославских могильниках — Михайловском и Петровском. В последнем это находки нескольких фибул и в их числе наборов в двух погребениях. Собственно этим и исчерпываются скандинавские элементы в Петровском некрополе.

Тимерево.
Михайловское.
Поясные наборы

Совсем другая картина предстает в свете данных, полученных в результате раскопок Михайловского могильника.

Упомянем курганы IX—X вв., в которых найдены гривны с молоточками Тора, фибулы, ланцетовидные стрелы, весы, гирьки и другие северные вещи.

Особую группу в Михайловском могильнике составляют курганы с парными захоронениями в ладьях и в сопровождении коней. В шести из таких усыпальниц найдены франкские мечи, в том числе и согнутые пополам. Это явное свидетельство скандинавского обряда порчи оружия. Кроме мечей в таких погребениях найдены другие предметы вооружения — копья, топоры, стрелы, боевые ножи — скрамасаксы, а также части воинского доспеха — шлемы, щиты, кольчуги. Здесь также встречаются богатые поясные наборы, комплекты фибул, весы, гирьки, бусы, восточные монеты — дирхемы, ледоходные шипы, ларчики, гривны с молоточками Тора и многое другое, что определенно говорит в пользу варяжской принадлежности погребенных.

Под этими насыпями, по всей видимости, были захоронены норманны — предводители военных отрядов или торговых сообществ.

В целом по материалам Ярославских курганов вырисовывается следующая историческая картина. В IX столетии, когда из земель Новгородских

Владимирские курганы.
Скандинавские вещи

достигли там достаточно высокого социального положения и также стремительно ушли из жизни древнерусского общества как самостоятельная этнокультурная единица. Варяги сыграли свою определенную роль в Ярославском Поволжье. Кто-то погиб в сражениях, походах и плаваниях, кто-то просто скончался, кто-то вернулся на свою родину — в Скандинавию, а кто-то ассимилировался и утратил свои специфические языческие культурные особенности, став одной из составляющих частей нового раннехристианского древнерусского общества и его материальной и духовной культуры.

Существенным отличием ситуации в Волго-Окском междуречье от других русских земель было то, что варяжские элементы здесь представлены не

только в нескольких отдельных крупных центрах, но и по всей территории Суздальского Ополя.

Еще в прошлом столетии известный русский ученый — председатель Московского археологического общества, граф Алексей Сергеевич Уваров выделял варяжские погребения в курганах Суздальского Ополя. Крупнейший русский археолог Александр Андреевич Спицын говорил даже о наличии здесь «русско-скандинавской» культуры. Однако в русской исторической науке XIX — начала XX столетия господствовала точка зрения, согласно которой вещи северного происхождения в эпоху раннего средневековья могли попадать в Волго-Окское междуречье вовсе не обязательно вместе со своими носителями — скандинавами, а через вторые или третьи руки, в том числе и посредством торговли. Эта позиция разделялась учеными и в последующие годы. В настоящее время принято считать, что скандинавские вещи могли оказаться в Суздальском Ополе и вместе с владельцами, и в результате торговли. Собственно во Владимирских курганах археологи насчитывали около пятидесяти норманнских находок. Это черепаховидные, круглые и трехлистные фибулы, различные орнаментированные в северных традициях подвески, ладьевидные браслеты, украшенные изображениями змей, наконечники пояса со звериными головками, гривны и подвески в виде молоточков Тора.

Отдельные скандинавские находки известны и в главном племенном центре мери — Сарском городище — фибулы, железные гривны с молоточками Тора. Им сопутствуют франкский меч, фризские гребни, ланцетовидные стрелы.

Археологи-норманисты объявляли Сарское городище скандинавской колонией. Это, конечно, не вытекает из фактов, и можно говорить об определенном «внимании норманнов» к этому важнейшему торгово-ремесленному племенному центру Древней Руси и о его торговых связях с севером Европы. В связи с этим о Сарском городище писали: «...торговая роль пункта перерастала узкоместное значение: купцы северо-германского Запада (читай — норманны) везли сюда оружие, украшения и разного рода мелочь».

Общее количество находок во Владимирских курганах, не считая керамики, исчисляется тысячами и поэтому дает возможность для утверждения о массовом расселении варягов в Суздальском Ополе, и речь может идти об их присутствии здесь, так как в погребениях найдены такие культовые вещи, как амулеты Тора и наборы фибул для одежды, что было присуще только варягам. Однако скорлупообразные фибулы, видимо, использовались в одежде и местных финских женщин, куда входил сарафан типа скандинавского.

Особой группой находок, имеющих как русское, так и скандинавское происхождение, являются восточные монеты с граффити, обнаруженные в наших материалах совсем недавно: это и так называемые княжеские знаки Рюриковичей, молоты Тора, боевые стяги, копья, мечи, ладьи под парусом.

Самые поздние скандинавские находки происходят из богатой усадьбы XI в. древнерусского города Суздаля. Этот комплекс уникален, и, самое главное, он имеет конкретный исторический «паспорт». На бляшках на литейной форме зафиксированы рунические знаки, а также изображения скандинавского бога Одина с сидящими у него на плечах воронами. Руническая надпись читается как «этот Олавов». Кроме формочки обнаружены и другие вещи, имеющие северное происхождение: ланцетовидные стрелы, большепетельный ключ, рукоять ножа с головой дракона, подвеска к ожерелью, фибула и накладка с зооморфными изображениями. Найденные предметы вооружения и снаряжения всадника и также отдельные вещи скандинавского облика дают возможность предположить принадлежность хозяина к верхушке варяжской княжеской дружины. Установлено, что эта усадьба принадлежала одному из дружинников Шимону — потомку тех варягов, которые вместе с Рюриком пришли на Русь в IX в., воину-наемнику Ярослава Мудрого, а затем основателю династии ростово-суздальских тысящких. Его путь характерен для целого ряда варягов, пришедших на Русь воинами-наемниками и ставших влиятельными людьми, членами правящей элиты Древней Руси.

Так, на протяжении двух с половиной столетий, IX—X — первая половина XI в., варяги играли немаловажную и весьма заметную роль в исторических процессах, протекавших в то время на территории Волго-Окского междуречья, ставшего ядром формирующейся Ростовской Земли — важнейшей части Древней Руси.

Несколько слов в заключение

С внешним миром — со Скандинавией и Европой через Балтийское (Варяжское) море, с Булгаром, Хазарией, Арабским халифатом через Хвалыское (Каспийское), с Византией через Понт Евксинский (Черное или Русское море) — Русь связывали две великие водные системы, пересекавшие бескрайнюю Русскую равнину с севера на юг.

Это Днепровский («из варяг в греки») и Волжский («из варяг в хвалысы», т. е. арабы) пути. Оба берут свое начало в славянских землях. Летопись достаточно подробно и точно описывает эти два великих пути: «поляном же жившим особе по горам сим, бе путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру,

и верх Днепра волок до Ловоти и по Ловоти внити в Ылмерь озеро великое, из него озера потечеть Волхов и вьтечет в озеро великое Нево, и того озера выидеть устье в море Варяжское. И по тому морю ко Царьгороду, а от Царьгорода прити в Понт море, в не же втечет Днепр река. Днепр бо потече из Оковьского леса, и потечеть на польдня, а Двина ис того же леса потечет, а идеть на полунощье и внидеть в море Варяжское. Ис того же леса истече Волга на вьсток и втечеть семьдесят жерел в море Хвалисьское. Тем же путем и из Руси может ити по Волзе в Болгари и в Хвалисы, и на вьсток дойти в Жребий Симов, а по Двине в Варяги, из Варяг до Рима, от Рима же и до племени Хамова. А Днепр втчеть в Понетьское море жерелом, еже море словеть Руское».

Истоки Волги, Днепра и Двины находились в земле одного из крупнейших славянских племен кривичей: «От них же кривичи, иже седять на верх Волги, и на верх Двины и на верх Днепра...» Оба пути в пределах Древней Руси полностью проходили по славянским землям — территориям полян, кривичей, словен новгородских. Они ими контролировались, они же были главными дорогами их расселения на северо-запад и северо-восток.

По этим путям двигались и различные иноземцы, в том числе и норманны. Скандинавы оставили следы своего проживания или временного присутствия в различных важнейших областях и центрах по этим путям — Ладога, Новгород, Гнездово, Чернигов, Киев, Тимерево, Сарское городище, Суздаль.

Об этом мы рассказали в данной книге.

Исторические и археологические факты говорят о том, что варяги, влившись в местное славянское и финно-угорское общество, объективно подчинившись всему ходу исторического развития этих народов, внесли свой немаловажный вклад в формирование древнерусской государственности, древнерусской народности, ее материальной и духовной культуры.

Древняя Русь не была чем-то изолированным от всего средневекового мира, а возникала на основе взаимообогащения и взаимопроникновения культур разных народов.

В этом заключалась ее сила, могущество и историческая перспектива.